

Федеральная просветительская газета

ТАТАРСКИЙ МИР

ДӨНЬЯСЫ

№ 11 (6394) 2016

«Тогда не будет между нами мира, когда камень станет плавать, а хмель – тонуть»

Из договора между князем Владимиром и предками татар – болгарам в 985 году («Повесть временных лет»)

Худ. Ирик Мусин «У родника»

Иду
неправильным
путем

с. 7

Заветная
мечта
Фаизханова

с. 13

Место встречи в
Сокольниках

с. 5

Символ
вечного
движения

с. 6

Неукротимый
бег...

с. 4

АХМЕД АДИЛЬ

* * *

В тёплый край кличут гуси
и за ними в туман
на воскрыльях грусти
дум моих караван.
Гуси скроются в дыме,
Словно стрелы — камыш.
Не поспеешь за ними,
Ясноглазый малыш.

Уж не хочешь ли, милый,
птичьих перьев набрав,
взмыть, что сокол, на крыльях
над просторами трав?
Для чего тебе перья?
В каждом осени грусть,
В каждом ветра безверье
и падения хруст...

Перевод В.Широкова

КАЗАНЬ

Президент РТ Рустам Минниханов награждает Софию Губайдулину орденом «Дуслык». Выдающийся композитор современности приехала в Казань для участия в праздничных мероприятиях, приуроченных к ее юбилею. «Мы гордимся Вами! Весь Татарстан, весь народ Татарстана. Вы золотыми буквами вписали свою фамилию в историю. Ваши произведения бесценны», сказал Рустам Минниханов, вручая государственную награду Татарстана Софии Асгатовне.

* * *

Первый концерт фестиваля татарской песни «Үзгәреш жиле» («Ветер перемен») состоялся на сцене Татарского академического государственного театра оперы и балета им. М.Джалиля. Концерт прошел с аншлагом.

Почетными зрителями беспрецедентного шоу стали: Президент РТ Рустам Минниханов, государственный советник Республики Татарстан Минтимер Шаймиев, Председатель Госсовета РТ Фарид Мухаметшин, Министр культуры РТ Айрат Сибгатуллин, мэр Казани Ильсур Метшин. Увидеть самое ожидаемое шоу в татарском мире в зале театра оперы и балета собралась вся политическая и творческая элита Татарстана.

Перед публикой выступили: Амир Ахмадишин, Илюса Хузина, Язиля Мухаметова, Алина Шарипжанова, Артур Исламов, Айдар Сулейманов, Румия Ниязова и другие известные исполнители. Достойным дополнением к поистине звездной программе стали театр танца «Дорога из города» под руководством Айрата и Лилии Багаутдиновых, джазовый и симфонический оркестры под руководством дирижера Станислава Курбацкого и при участии Айдара Гайнуллина, группа бэквокалистов, в числе которых была и вокальный коуч проекта Ксения Коробкова.

«Впечатления очень позитивные. На самом деле хотелось, чтобы нашу музыку, нашу эстраду, наших артистов знали не только в пределах Татарстана. И мне кажется, эта задача решается здесь. Конечно, наш оперный театр и его руководитель Рауфаль Мухаметзянов много сделали. Оцениваю очень позитивно, мне пока все нравится. Уверен, что это движение – фестиваль татарской песни «Үзгәреш жиле» – будет и дальше развиваться», – поделился первыми впечатлениями Рустам Минниханов.

Напомним, идея поднять татарскую эстраду на новый уровень принадлежит Президенту Республики. Продюсер проекта Рауфаль Мухаметзянов, режиссерпостановщик Юрий Александров.

4 декабря «Үзгәреш жиле» пройдет на сцене Государственного Кремлевского Дворца в Москве.

США

Президент Татарстана Рустам Минниханов в ходе своей рабочей поездки в Америку встретился с татарами, проживающими в Калифорнии. На встречу, которая прошла в зале Татарского Дома в городе Берлингем, пришло более 50 участников. Со словами приветствия к участникам мероприятия обратился президент Американской тюркотатарской ассоциации Туран Апакай. Он поблагодарил Рустама Минниханова за возможность встречи и рассказал о работе, проводимой Ассоциацией. Также о деятельности общества татар США рассказали члены Американской тюркотатарской ассоциации Рукия Сафа, Адия Сафа, Гузель Ахмадуллин и Ильдус Ахмадуллин.

Рустам Минниханов, в свою очередь, выразил слова благодарности всем собравшимся за их вклад в сохранение и преумножение традиций, обычаев, языка своего народа вдали от исторической родины. В завершение встречи гости мероприятия исполнили песню «Туган тел» на татарском языке.

МОСКВА

Заместитель Премьер-министра Республики Татарстан – полномочный представитель РТ в РФ Равиль Ахметшин вручил памятную медаль к 110летию Мусы Джалиля Председателю Совета муфтиев России и Духовного управления мусульман Российской Федерации муфтию Равилю Гайнутдину.

Равиль Ахметшин подчеркнул, что имя Мусы Джалиля уже давно стало символом гражданского и личного мужества, безграничной любви к Отчизне. В этом году мы отмечаем 110 лет со дня его рождения. Его жизнь оборвалась очень давно, но память о нем живет. Его стихи читаем мы, наши дети и внуки...

Муфтий Равиль Гайнутдин поблагодарил Равиля Ахметшина за вклад в сохранение памяти Героя Советского Союза, татарского поэта Мусы Джалиля, за внимание к его наследию.

Медальями также были награждены первый заместитель председателя Духовного управления мусульман Российской Федерации Дамир хазрат Гизатуллин, первый заместитель председателя Совета муфтиев России и Духовного управления мусульман РФ, руководитель аппарата Совета муфтиев России Рушан хазрат Аббясов, заместитель председателя Духовного управления мусульман Российской Федерации, первый имамхатый Московской соборной мечети Ильдар хазрат Аляутдинов, заместитель председателя Духовного управления мусульман Российской Федерации, первый имамхатый Мемориальной мечети на Поклонной горе Шамиль хазрат Аляутдинов, советник председателя Совета муфтиев России, научный сотрудник Фарид Асадуллин, директор медресе Московской соборной мечети Жафяр Фейзрахманов.

КНИЖНАЯ НОВИНКА

Вышла в свет книга «Мусульманский Петербург. Исторический путеводитель. Жизнь мусульман в городе на Неве и в его окрестностях». Это комплексное краеведческое исследование по истории татар содержит информацию о трехсотлетнем периоде пребывания мусульман в северной столице и интеграции в самом европейском регионе страны. Книга, подготовленная профессором РАН Ренатом Беккиным и краеведом Альмирой Тагирджановой, рассказывает о городе и горожанах разных национальностей и вероисповеданий: о татарской слободе XVIII в., особенностях жизни в XIX в. и деятельности национальной интеллигенции в XX в. Работа татарских общественных организаций и благотворительность сегодняшнего дня отражены в очерке «Потомки первопроходцев: татарская община в современном Санкт-Петербурге». Интересное содержание дополняет огромный иллюстративный материал из редких дореволюционных источников и личных коллекций. Благодаря архивным документам впервые показана история татарских общин в пригородах Петербурга и в районных центрах Ленинградской области.

В Татарском культурном центре Москвы

В столичном Доме Асадуллаева прошел концерт «Татар жыры сине юксына» («Татарская песня по тебе тоскует»), посвященный 110-летию со дня рождения актрисы, певицы и композитора Сары Садыковой. В нем приняли участие народная артистка и заслуженный деятель искусств Республики Татарстан, профессор Маргарита Коварская, заслуженный деятель искусств Республики Татарстан, профессор Казанской консерватории Марат Ахметов, народная артистка Республики Татарстан Зухра Сахабиева, заслуженный артист Республики Татарстан Ахмет Каримов и многие другие. Напомним, Сара Гарифовна Садыкова родилась в ноябре 1906 года в Казани. Песенное творчество композитора, уходящее корнями в фольклор, отличается проникновенностью и народностью. Много музыки Сара Садыкова писала и к драматическим спектаклям, музыкальным комедиям. Она является продолжателем музыкальных традиций Салиха Сайдашева и основоположником стиля танго, фокстрота в песенной истории татарской музыки.

* * *

Региональная общественная организация – Татарская национальнокультурная автономия Москвы провела XX юбилейный московский фестиваль «Туган як моннары», посвященный памяти учредителя фестиваля – ветерана ВОВ Шакирова Карима Абдуловича. Галаконцерт фестиваля состоялся в Доме культуры «КонгрессЦентр» Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова.

Факел фестиваля горел так долго, прежде всего, благодаря организаторским способностям и энтузиазму Карима Абдулловича. Будучи художником и человеком, обладающим хорошими вокальными данными, он через всю свою долгую жизнь пронёс

любовь к татарской песне и болел душой за её сохранение, развитие и передачу молодому поколению. В течение всех девятнадцати лет К.А.Шакиров оставался бессменным директором фестиваля.

Название фестиваля соответствует его содержанию. И на этот раз в огромном дворце звучали в основном мелодии родного края. Это и классические народные произведения, и лучшие образцы сочинений современных татарских и башкирских композиторов. Поэтому у фестиваля огромное количество преданной публики – это истинные ценители родных мелодий.

Фестиваль «Туган як моннары» в первую очередь рассчитан на участие в нем широкого круга самодельных музыкальных групп и солистов исполнителей, в последнее время к нему тянутся и профессиональные певцы, так как фестиваль открывает большие возможности для новых творческих свершений. Именно здесь обрели свои крылья талантливые исполнители широко известные взыскательной татарской публике Наиля Дусметова, Альфина Ахматжан, Динар Фейсханов, Алмаз Юси, Рахиль Биктагирова, Ирфан Измайлов и др.

Фестиваль-конкурс в этом году прошел при поддержке Министерства культуры Республики Татарстан.

* * *

В Татарском культурном центре Москвы состоялась премьера документального фильма «Перерождение» (режиссер Ф.Ф. Фарисов), соавтором и ведущим в котором выступил известный певец Ренат Ибрагимов. Среди гостей вечера были депутат Государственной Думы РФ, председатель совета Федеральной национальнокультурной автономии татар Ильдар Гильмутдинов, почетный президент Татарской национальнокультурной автономии Москвы Расим Акчурин, делегаты всероссийского семинара-совещания Федеральной национальнокультурной автономии татар, руководители национальнокультурных автономий из разных регионов России. Фильм посвящен истории и реконструкции Московской соборной мечети. Пережившая годы гонений, репрессий, войну и тяготы мечеть, бывшая для верующих духовной опорой в самые тяжелые дни, вместе с героем фильма проходит свой путь, обретая новый облик.

Владимир ПУТИН

(Выступление на заседании Совета
по межнациональным отношениям)

Президент Российской Федерации Владимир Путин провёл в Астрахани заседание Совета по межнациональным отношениям, посвящённое актуальным вопросам реализации Стратегии государственной национальной политики России.

Мы с вами сегодня обсудим актуальные вопросы дальнейшей реализации Стратегии государственной национальной политики России.

Она утверждена почти четыре года назад, как вы знаете. За это время создано Федеральное агентство по делам национальностей. Власти на местах наделены соответствующими полномочиями в сфере межэтнических отношений. Работает федеральная целевая программа, направленная на укрепление национального единства и этнокультурное развитие.

Для нашей страны, которая исторически стала общим домом для сотен народов и этносов, межнациональное согласие является безусловным приоритетом, важнейшим условием самого существования государства. Здесь у нас есть основа, фундамент. Это многовековой опыт. При этом мы видим, что межнациональные отношения – это сложнейшая, чувствительная сфера. Она постоянно развивается, здесь появляются новые проблемы, к сожалению, и острые вызовы. И чтобы грамотно, содержательно на них отвечать, нужны современные и гибкие решения.

Именно такие подходы намечены в Стратегии государственной национальной политики. И во многом благодаря её реализации Россия успешно противостоит глобальным угрозам: это экстремизм и терроризм. Огромное значение имеет также предупреждение и предотвращение этнических и религиозных конфликтов.

В результате почти 80 процентов граждан страны – я это отмечаю с удовлетворением – считают отношения между людьми разных национальностей доброжелательными или нормальными. Несколько лет назад такую оценку, как показывают опросы, давали только 55 процентов наших граждан.

То, что их количество, количество людей, которые так оценивают ситуацию в сфере межэтнических отношений, растёт, – безусловно, хороший

знак. Но это не повод для снижения внимания к вопросам профилактики экстремизма и межнациональной напряжённости. Тем более тогда, когда в современном мире нарастают тенденции размывания традиционных ценностей и разжигаются межэтнические и межрелигиозные розни, противоречия.

Мы, безусловно, должны и будем противостоять этим разрушительным тенденциям. И здесь ключевая роль принадлежит общественному и духовному единству нашего народа. Оно складывается из осознания гражданами России, что у них – людей разных национальностей – общая страна, что их объединяют общие ценности и традиции, великая русская культура, русский язык.

Однако формирование российской идентичности – процесс сложный и небыстрый. Но, безусловно, он идёт, и в последние годы достаточно активно идёт. Восприятие гражданами себя как части России, повышение ответственности за свою страну становятся всё более устойчивыми. Но это не значит, что мы должны просто наблюдать за этими процессами и просто фиксировать то, что происходит.

Здесь требуется планомерная, настойчивая, целеустремлённая работа: и просветительская, и организационная. Требуется участие в ней всех уровней власти, политических партий, общественных организаций, в том числе религиозных и этнических объединений.

В этой работе нужно учитывать все обстоятельства. И особенно то, что духовное, культурное, ценностное единство нашего общества, его патристический настрой включает в себя сохранение традиций и обычаев всех народов России, уважительное отношение к религиозным ценностям.

При этом вновь подчеркну, что межнациональные отношения – область очень тонкая и чувствительная. И действовать нужно предельно деликатно, аккуратно. Косность, формальное и бюрократическое отношение к делу не просто недопустимы, но и чреваты опасными, а иногда и разрушительными последствиями.

Очевидно, что нам нужны профессионально подготовленные, грамотные специалисты в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений. Их пока явно недостаточно. А потребность в них колоссальная, особенно в религиозном направлении. Здесь нам нужны не только религиозные деятели, но и люди светские, те, которые разбираются в проблемах и могут донести до всех слоёв общества своё понимание того, что в этой сфере происходит и что достойно нашей поддержки. Хотел бы, конечно, услышать ваши предложения, в том числе о разработке профессионального стандарта для подготовки таких специалистов.

Принципиальный вопрос – координация органов власти, которые реализуют государственную национальную политику. Их только на федеральном

уровне – более десяти, плюс структуры в регионах и муниципалитетах. Но взаимодействие между ними подчас крайне низкое, неэффективное. Не налажено и постоянное сотрудничество с научными и экспертными организациями.

Как будут решаться эти вопросы? Знаю, что определённые надежды возлагаются на профильную госпрограмму, которую сейчас готовит Правительство Российской Федерации.

Конечно, её нужно разрабатывать так, чтобы она стала действительно единым магистральным документом для всех, кто занимается реализацией Стратегии национальной политики. Но решить эту проблему можно только, как я уже говорил, объединяя усилия, координируя усилия всех соответствующих структур. Вопрос, как это сделать, остаётся открытым. Хотя не думаю, что здесь есть какие-то непреодолимые сложности.

Далее. Особое внимание нужно уделить развитию законодательства в области государственной национальной политики, в том числе теме социальной и культурной адаптации мигрантов. В настоящее время эта сфера не обеспечена достаточными правовыми нормами, организационными и экономическими инструментами.

Необходимо определить федеральный орган, отвечающий за это направление. Нужны и профильные специалисты. Уже касался этой проблемы и хотел бы добавить: при её решении нужно обязательно учитывать потребность в специалистах, которые будут работать с иностранными гражданами, приезжающими жить и работать в Россию.

Ещё одна важная тема – поддержка некоммерческих организаций, деятельность которых связана с межнациональным сотрудничеством, с сохранением и защитой культуры, традиций, языков народов России, с социальной адаптацией мигрантов. Услуги, которые они оказывают, пока не включены в перечень общественно полезных. И, следовательно, на них не распространяются те преференции, которые имеют социально ориентированные организации. Это может быть проблемой; во всяком случае, сдерживающим фактором. Давайте обсудим и эти вопросы.

г. Астрахань

Белая мечеть Астрахани

Астраханское гостеприимство

Асия ХАЙРЕТДИНОВА,
журналист-международник

Лихие и ЗНАМЕНИТЫЕ

Асия Хайретдинова коренная москвичка, проработала 50 лет на Московском радио в вещании на страны Латинской Америки и Испании. Владеет испанским и французским языками, а также языком кечуа, на котором говорят потомки инков в Боливии, Перу и Эквадоре. Спортсменка-наездница. Она принимала участие в московской Олимпиаде-80 как судья по выездке, одному из сложнейших видов конного спорта.

Училась я в подшефной Тимирязевской сельскохозяйственной академии школе №222, из окон которой открывался вид на весь комплекс этого уникального уголка Москвы - плантации, сады, дендрарий, пруды. И как-то после сдачи экзаменов за седьмой класс с несколькими подругами пришли мы на конюшню академии... Было это весной 1950 года. Сейчас на этом месте выстроен прекрасный манеж, а тогда здесь были только конюшня и несколько огороженных лужков - левад со стогами сена, инвентарем, боровами, телегами. Здесь проходили практические занятия студентов зоотехнического факультета, в том числе и занятия верховой ездой. На наш вопрос, можем ли мы поехать на лошадах, ответили: «Только студенты!»...

Отказ огорчил, но не охладил наш пыл. Все летние каникулы ходили сюда каждый день, как на работу. Правда, нам всё-таки милостиво позволяли убирать денники, чистить лошадей, драить наждаком до блеска стремена и удила, упражняться в управлении лошадью, сидя на стуле с поводьями в руках, а также изучать по наглядным пособиям экстерьер лошади, строение седла, части упряжи для тройки, породы лошадей.

Однако самым лучшим наглядным пособием были сами обитатели конюшни, в которой были специально подобраны яркие представители пород - снежно-белый орловский рысак Кречет, ахалтекинцы Арбитр и Енды, стрелецкой породы Цукерня, карабаирка Луиза, вороной красавец ростопчинской породы Окрик, соловый сибиряк Гайрат, тяжеловоз Ночка... Была здесь и Гурия арабской породы, снявшаяся в фильме «Смелые люди», и чистокровный Стратостат, на котором выезжал хан Кончак в фильме «Большой концерт». Гордостью конюшни был непобедимый когда-то в скачках Будынок, который ещё давал потомство.

Студенты изучали не только породы, но и типичные лошадиные болезни и пороки - благо, что все лошади были преклонного возраста и этого «добра» у них было предостаточно - бродяун, козинец, шпат, эмфизема легких... Потому что ездили на них преимущественно шагом или рысью, галоп и прыжки - запрещены категорически.

Но когда нам, школьницам разрешили просто пошагать в леваде среди телег и борон (почему-то зубьями вверх), нашему ликованию не было предела. Этот первый восторг запомнился на всю жизнь, как и моя первая лошадь - покорная мудрая ахалтекинка Енды. Вот такими были мои первые уроки верховой езды - на неторопливых аллюрах, шаге и рыси. В Тимирязевской конюшне и был заложен крепкий фундамент любви к лошади, верности им и благодарности на всю жизнь.

А летом 1952 г. на больших соревнованиях на Планерной, где как раз скорости вели к победе, получила удар молнии в самое сердце: каких классных всадников и лошадей мы увидели, как они взлетали над препятствиями, как мчались во весь опор к финишу в погоне за победными секундами! Могучие лошади - не в пример нашим любимым «инвалидам»... И подумать не могла, что всего через пару лет я буду включена в сборную конно-спортивного клуба «Пищевик», получу классных лошадей и буду стартовать наравне с ассами конного мира...

Не забуду свои большие старты на рыжем Макете будёновской породы: сильный, безотказный, надежный, он смело преодолевал препятствия, прохо-

дя по заданному маршруту без капризов и закидок. На трофейном чистокровном Гроде я выступала в своём любимом виде - в троеборье, которое длится три дня. В первый - манежная езда, демонстрирующая выездность лошади, во второй день лошадь испытывается на скорость и на готовность к большим нагрузкам: проводятся так называемые полевые испытания, включающие кросс по пересеченной местности с преодолением сложных препятствий (пристань, овечий загон, засека и др.), а на третий день - конкур (преодоление препятствий на плацу). Мне нравилось мчаться по лесным тропам, подниматься на крутые склоны, спускаться с отвесной горы, преодолевая препятствие за препятствием... Любила я и вороного Уранчика, которого готовила для менее опасных выступлений по выездке.

Но на всю жизнь мне запомнился веселый, шаловливый и хитрый Мак - от отца ахалтекинца он получил лебединую высокую шею, красивые, выразительные глаза, легкость аллюров, а от матери-рысачки - серую в яблоках масть и упрямство. Был у нас такой вид соревнований как конкур «До первой ошибки» - фишка заключалась в том, что при первом же отказе от прыжка на маршруте всадник прекращает выступление (обычно допускались две закидки). Мак, который никогда не закидывался, быстро смекнул, что при первом же неповиновении его уже отведут на конюшню, и он будет свободен. Как он узнавал, что предстоит соревнования «До первой ошибки», не знаю, но перед первым препятствием умудрялся уходить в сторону...

В отменной лошадиной памяти меня убедил тот же Мак. До прихода в спортивную школу он возил в упряжке директора ипподрома, который ставил его обычно возле хозяйственного блока, пока сам уходил в контору. В этом блоке находился и отсек для взвешивания лошадей. В один прекрасный день, когда отрабатывалась предельная резвость на галопе, вместо того, чтобы идти по прямой скаковой дорожке, Мак резко свернул влево и понесся во весь карьер к хозяйственным постройкам... Со всего маха влетел на весы и заскользил по металлическому покрытию... От резкой остановки я вылетела из седла, как пробка, прямо на кронштейн, на котором висела подколеника... К счастью, связки не были порваны, а только, как говорится, осушены... Через несколько дней всё прошло, но в дальнейшем я была уже настороже, зная, как Мак хорошо помнил место своего бывшего отдыха...

Другой случай с тем же Маком произошел летом 1953 г. на Сходне во время прохождения кросса. На какое-то мгновение я ослабила повод и поняла, что потеряла управление - Мак закусил удила!.. (Всем понятно это выражение - «закусил удила», и ничто, никакие доводы не смогут победить это сверхупрямство...). Вот тут и началось - на полном скаку неуправляемый Мак праздновал свою победу: «таскал» меня по лесным чащам, по буеракам, через канавы... Я же безуспешно пыталась остановить эту безумную скачку, пока совсем не лишилась сил... Мгновенно принимаю решение (тоже безумное) и прыгаю... Представляете - это всё равно, что прыгнуть с быстро несущейся машины... Спрыгиваю, но нога остаётся в стремени, правда на секунду... Всё же попадаю под заднее копыто... Маку настолько удалось ослабить удар, что он только чиркнул по моему затылку... Зато, какое блаженство я испытала, оказавшись на земле, завершив эту борьбу... До сих пор вижу склоненных надо мной двух девчушек, спрашивающих своего дедушку: «Она умерла?» ...Открываю глаза и улыбаюсь им.... А на следующий день уже сдавала вступительные экзамены в институт - успешно.

Ещё и ещё раз лошади подсказывали мне многое - и умение быть начеку, и держать удар, и быть благодарным своему Ангелу-хранителю...

Асия Хайретдинова на Маке

Конечно, вспоминаю с благодарностью своих тренеров Елиазара Львовича Левина, Александра Григорьевича Таманова, огромную помощь мне оказали и мои соплеменники - Тахир Секамов, Ильясов, Г.М. Джафаров, Жора Аляутдинов (по всей видимости, его настоящее, татарское имя было иным, но его я не знаю). Мне они казались настоящими мастерами - отважными, ловкими и бесстрашными. Я радовалась их победам во многих скачках, в соревнованиях по преодолению препятствий. И, что особенно запомнилось, они поддерживали меня, подбодряли перед ответственными стартами. А если была неудача, утешали, рассказывая о своих былых поражениях. Бывало, что и подшучивали надо мной, наслаждаясь моим напускным гневом...

Настоящим корифеем был для меня мастер спорта международного класса Жора Аляутдинов. Он был ведущим троеборцем в ЦСКА, пользовался большим авторитетом за свой спокойный, уравновешенный характер, врожденное благородство, которое проявлялось в отношениях к людям, и к лошадям. Такие типично татарские черты характера. Его дружественное отношение ко мне, новичку в большом спорте, где всё не просто, очень помогало, а его замечания были всегда доброжелательными и эффективными.

Незабываемой стала для меня и встреча с Николаем Насибовым осенью 1952 года. Случайная встреча на ипподроме в свободный от скачек и бегов день. Медленно иду по беговой дорожке, а навстречу - молодой человек в кожаной куртке, в галифе, в сапогах:

- Можно спросить, что Вы тут делаете? Ведь сегодня на ипподроме выходной...
- Просто гуляю...
- Ну и выбрали место для прогулок...
- А что такого особенного? Мне очень нравится здесь. Вчера бушевали страсти на трибунах, скачка за скачкой, заезды за заездами... Взмывающие лошади... Неукротимый бег... Сегодня же здесь так спокойно и величественно...
- А что больше по душе?
- И то и другое - только всему своё время...
- Неплохо сказано. Ездите верхом?
- Да, в Тимирязевке...
- О, там, где Кречет и Будынок стоят?

Н.Насибов на легендарном Анилине

- Да, там, где галоп запрещен...
- Что?! Мне, жокею даже не верится... Да это же немисливо прекрасный аллюр... Когда ветер свистит в ушах, когда у тебя с конем прямо-таки крылья вырастают... Полет...
- Мы тоже мечтаем об этом...
- Как говорится, девочка, у тебя всё впереди... Москвичка?
- Да. Заканчиваю 10-й класс....
- Ну, хорошо.

И вдруг неожиданно, даже может быть для себя самого, с хитрой улыбкой добавил:

- А у меня курочка есть... Я из Ростова её привез... Понимаешь, я привык с утра выпивать сырое яйцо и до обеда - всё. А обед? Одно название. В Москву приехал - курицу выпустить негде. Пришлось ящик сделать и на замок её запереть. Курицу вожу всюду с собой и столько муки из-за неё от таможенников принял! Один спрашивает: «Что это вы, Робинзон Крузо?» Приходи, говорю, на ипподром, посмотришь, какой я Робинзон. «А на кого ставки делать, вы подскажите?» - «Ставь на меня, не ошибёшься!».

- Честно? А как Вас зовут?
Вот тут мой нечаянный собеседник постучал стеком по сапогу и, уже отходя, говорит:

- Когда-нибудь узнаешь!
Узнала... Узнала через года, что такой забавный разговор со мной, 16-летней вел Николай Насибов, уже известный в ипподромных кругах жокей. Но оглушительная мировая слава и известность его ожидали впереди.

Выдающийся жокей XX века, единственный в мире, кому удалось трижды завоевать Приз Европы. Гордость и национальное достояние России: выиграл 654 скачки в России, 175 - за рубежом. За четырнадцать лет выступлений на ипподромах Берлина, Праги, Кёльна, Варшавы, Стокгольма, Вашингтона, Осло заработал для нашего государства призов на миллион рублей золотом.

Я много раз видела его незабываемые победные скачки, читала его книгу «Железный посыл или жизнь в седле». С неперенным рассказом о курочке. Кстати, ничего странного в этом не было. Дело в том, что вес жокея, по принятым нормам, должен удерживаться в границах пятидесяти килограммов, да и рост жокея желательно иметь небольшой. А Николай Насибов при росте 171 см, очень высоком для жокея, был ширококостным, и сохранять вес в нужных границах ему было непросто. Он сам признавался, что, если бы не стал жокеем, непременно был бы поваром. Так вот то самое яйцо, которое сносила курица за день, и было завтраком, а иногда и обедом знаменитого наездника.

«Такие рождаются раз в столетие», - говорили о Насибове профессиональные конники. А родился он 15 декабря 1929 г. в пять лет остался сиротой. В 1933 году его отца, землевладельца и скотовода, расстреляли на обрыве Куларского ущелья в Грузии прямо на глазах у детей. Через год умерла и мать. Николай стал беспризорником, чтобы прокормиться, приходилось и милоостно просить, и еду воровать. Спасли лошади. Любовь к лошадям, наверное, была у Насибова в крови - начиная с 1941 года, более пятидесяти лет, он в разном качестве работал с этими грациозными животными. Сначала он пас табуны скаковых лошадей, которые с началом войны эвакуировали на Куларский конный завод. В 1944 году туда приехал известный тренер из Москвы Иван Фомин. Отбирая лошадей для московского ипподрома, он заметил 15-летнего подростка, который лихо объезжал нористую лошадь. Глаз у столичного тренера был наметанный, Фомин быстро

разглядел в мальчишке недюжинные способности и забрал его с собой.

Чуть ли не с начала его жокейской карьеры зрители приходили на ипподром Москвы «смотреть на Насибова». Им восхищались даже те, кто ничего не понимал в скачках. Попробуйте за две минуты, которые длится забег, правильно рассчитать силы свои и лошади, оценить возможности других участников, не просчитаться и победить! Насибов каким-то мистическим образом чувствовал лошадей, с которыми работал, понимал их, и они почти всегда приходили первыми.

Одним из первых жеребцов Насибова был темно-гнедой Гарнир, с которым он впервые в советской истории на ипподроме Лорела участвовал в скачках на Вашингтонский международный приз и выиграл его. Это была первая, но далеко не единственная международная награда жокея.

И все же лучшей лошастью Николая Насибова был чистокровной породы рыже-гнедой Анилин, на котором он выиграл двадцать одну скачку из двадцати семи. Это на нем знаменитый жокей трижды выигрывал Приз Европы. Газеты мира называли Анилина «трижды венчанный». Их фотографии обошли в 60-е годы весь мир, и не было для зарубежных ипподромов эффективнее рекламы, чем имена Насибова и Анилина. За этого жеребца, когда он окончил свою скаковую карьеру, владельцы зарубежных конюшен предлагали немислимые деньги, но конь был признан национальным достоянием. В качестве ценного производителя его оставили на конезаводе «Восход», где родился Анилин и где стоит отлитый в бронзе памятник ему...

Рассказывают, что однажды с мастером произошел курьезный случай. Джозеф Каскарелло, владелец одного из крупнейших американских ипподромов, пригласил Насибова в США. Разумеется, американец сделал это не просто так. У него была отличная конюшня, породистые благородные лошади, но результаты забегов почему-то были посредственными. Владелец ипподрома предложил Насибову работу, участие в престижнейших соревнованиях и даже виллу! Насибов ответил, что у него уже есть все перечисленное, включая виллу, и уехал домой. Ну кто же мог тогда подумать, что легковверный американец приедет в Россию и пожелает навестить господина Насибова на его вилле! Вся недвижимость, которой владел «вилловладелец» Николай Насибов, состояла из дома барачного типа с удобствами во дворе.

В самом расцвете своей карьеры Насибов ушел на тренерскую работу, и его ученики стали лучшими наездниками мира. Однажды на открытии скакового сезона в Москве он собрал своих учеников и сказал: «Лошади готовы для побед. Если они не придут первыми, виноват жокей». Тогда его воспитанники взяли все восемь призов. В отделении Насибова всегда царила железная дисциплина, а самым отвратительным пороком он считал пьянство.

Умер Николай Насибов в 1997 году, но его имя знают и помнят. Ежегодно на Московском ипподроме проводится «Кубок Насибова», посвященный памяти великого жокея XX века. Сын Николая Насибова Михаил Николаевич однажды на ипподроме услышал о своем отце: «Да кто ж его не знает! Посади его на козу, он и на ней выиграл бы любую скачку!».

Я тоже помню тот sereneкий осенний день в Москве на пустынном, непривычно тихом ипподроме и того стройного парня, сказавшего мне несколько слов о курочке... Ему было 23 года, а мне – 16...

г. Москва

Марат САФАРОВ, московский краевед

В последние годы мне доводилось несколько раз выступать в гостеприимных стенах одной из старейших библиотек Москвы – имени Н. А. Некрасова, участвовать в мероприятиях, организуемых Татарским культурным центром в уютном здании на Бауманской улице. Здесь прошли памятные многим мероприятия, посвященные татарскому писателю с московскими корнями Абдурахману Абсаламову, а совсем недавно – красочный фестиваль татарской кухни. В фондах библиотеки представлены многие книги татарских классиков и современных литераторов.

Некрасовка – не случайная культурная площадка для татарской общины. Традиции общения и совместного проведения мероприятий, возобновленные Нурзидой Чанышевой и Зульфией Хабибуллаевой и активно поддерживаемые сотрудниками Некрасовки Раисой Самсоновой и Нелли Масановой, уходят в далекое прошлое Москвы.

...Как известно, с закрытием татарской школы и клуба в Доме Асадуллаева в 1941 году московский центр формирования татарской советской культуры сворачивается. Лишь в период хрущевской оттепели отдельные элементы этого направления общественной жизни возродились. В основном оно проходило вокруг движения по возвращению московским татарам Дома Асадуллаева. Активисты во главе с полководцем времен Гражданской войны генералом Якубом Чанышевым (1892-1987) обращались в различные органы власти с просьбой о возвращении Дома Асадуллаева, однако их многолетние инициативы в советский период не увенчались успехом. Во многом отказ был связан с отсутствием механизмов функционирования культурных центров за пределами административно очерченных границ проживания этносов. Опыт 1920-х и первой половины 30-х гг. по развитию в Москве советских национальных структур в послевоенный период так и не был возрожден. Отдельные мероприятия (знаменитая Декада татарской литературы и искусства 1957 года, гастроли театра имени Г. Камала, юбилейные даты татарских писателей) становились этапными событиями для татар-москвичей, но проходили редко и нерегулярно.

В этой связи московские татарские активисты пытались организовать проведение культурных мероприятий на различных городских площадках. Это было достаточно трудно осуществить, поскольку любая инициатива снизу в области национальной политики могла быть расценена резко отрицательно. И не все руководители учреждений шли на это, рискуя потерять должности... Поэтому мероприятия пытались надежно «легитимизировать», привязав к различным советским идеологическим проектам, что принимало порой причудливые формы.

К примеру, в начале 1960-х годов на волне, как хрущевской оттепели, так и новой мощной антирелигиозной компании, пропагандист Энвер Байрамов создал при Доме научного атеизма на улице Володарского (ныне Гончарная) секцию для работы с последователями ислама, ставшую на долгие годы одним из центров притяжения московской татарской интеллигенции. Председателем секции первое время был известный советский востоковед Евгений Беляев (1895–1964), своим авторитетом способствовавший сохранению этой структуры.

Позднее наряду с Домом научного ате-

изма появляется еще один центр притяжения татар Москвы. В здании библиотеки им. Н. А. Некрасова в Сокольниках представителями татарской интеллигенции, также во многом благодаря генералу Якубу Чанышеву удавалось организовывать литературные вечера, приглашать известных татарских литераторов и артистов эстрады. К примеру, в Москву из Казани приезжали видные татарские писатели Гумер Баширов (1901-1999) и Амирхан Еники (1909-2000). Часто вечера в Некрасовской библиотеке организовывались во время пребывания татарских писателей в подмосковном Доме творчества Переделкино. Татарские прозаики и поэты представляли московским читателям свои новые книги.

В Некрасовской библиотеке известный московский переводчик и литературовед, доцент Литературного института им. Горького Галия Закировна Хантемирова (1921-2012) регулярно рассказывала московским татарам о своих поездках на научные конференции в Казань.

Все проходило в официальном советском ключе, однако сам факт приобщения татар-москвичей к родному языку, встречи с видными представителями национальной культуры, этническая музыка способствовали популярности этих мероприятий, сохранению татарской жизни в Москве. Встречи в Некрасовке собирали, как представителей интеллигенции, так и рабочих – особенно недавних выходцев из татарских деревень.

Уютное деревянное здание Некрасовки в Сокольниках помнят и сейчас многие старейшие представители татарской общины Москвы. Именно здесь в 1972 году открылся отдел литературы на языках народов СССР, имевший уникальный фонд, созданный при активном участии республик, их крупнейших национальных библиотек, приславших отделу не только книги, но и предметы декоративно-прикладного искусства, быта, представляющие культуру разных народов Советского Союза. Этот отдел под руководством опытного библиотковеда Татьяны Алексеевны Пышкиной (по сути – филиал библиотеки) располагался в природном уголке лесопарковой зоны.

Дом по адресу 6-й Лучевой просек, 21. Особняк в Сокольниках – памятник деревянного зодчества середины XIX века, бывшая дача заводчика, московского городского головы Ивана Артемьевича Лямина (1822-1894).

В 1860 году И. А. Лямин приобрел участок под № 21 в казенной Сокольничьей роще Московского уезда, по линии 6-го Лучевого просека, площадью 900 квадратных сажен, согласно утвержденному на этот участок плану, «в вечное потомственное пользование и полное распоряжение». Вскоре был возведен основной дом с террасами, а вокруг него флигель, галерея, для выращивания фруктов, теплица, зимний сад с водонапорной башней, бассейн, многочисленные хозяйственные строения и дома для прислуги.

Примечательно, что Иван Лямин косвенно связан с татарской историей старой Москвы. Согласно воспоминаниям московского купца Н.А. Варенцова: известнейший в будущем Салих Ерзин «...в молодых годах работал дворником при доме известного фабриканта Ивана Артемьевича Лямина, выстроившего хлопковые склады для своей фабрики. Но с проведением железнодорожной ветки на нее нужда в складах отпала, и Лямин стал их сдавать азиатским купцам. Ерзин наблюдал за чистотой двора, собиравшийся хлопком, не брал его в свою пользу, а отдавал владельцам его. И этим заслужил большое доверие у азиатских купцов, которые сначала поручали ему сдавать хлопок фабрикантам, а увидавши, что и в этом он очень внимателен к их интересам, начали давать ему на комиссию свои товары, когда они были в отсутствии. С каждым годом дело увеличивалось, и он сделался большим комиссионером с миллионными оборотами». Позднее Салих Ерзин становится зятем татарского купца, торговавшего пушниной, и благодаря исключительной честности одним из богатейших жителей Москвы, знаменитым меценатом.

Интересна история дачи Лямина в первое десятилетие советской власти, когда здание и участок были национализированы у прежних владельцев (потомки Ивана Артемьевича эмигрировали во Францию). Еще до 1917 г. в районе Сокольнического парка, вблизи города, среди обширных рощ с живописными прудами было немало лечебных учреждений. На бывшей даче Лямина была размещена созданная 1 мая 1918 года первая советская опытно-показательная лесная школа на 75 человек. Лесная школа в Сокольниках пользовалась особым покровительством властей.

Опыт 1-й лесной школы интересовал В. И. Ленина. Впервые он приехал в Сокольники в конце декабря 1918 года. Место понравилось, и с конца декабря по февраль 1919 года в одной из комнат второго этажа дома, вблизи лестницы запасного выхода, отдыхала Н. К. Крупская. Во время ее пребывания в школу неоднократно приезжал Ленин. Он часто беседовал с преподавателями и учениками. Особенно памятным стал приезд Ленина 19 января 1919 года, вошедший в советскую Лениниану как «приезд Ильича на елку в Сокольники».

Как известно, в первые годы советской власти были отменены все старые обычаи, но, несмотря на это, новогодняя елка была все же поставлена в сокольнической лесной школе, правда с календарным опозданием – лишь 19 января. Вместе с Лениным и Крупской в празднике участвовала знаменитая певица Валерия Барсова.

...Прошли десятилетия. Библиотека обрела другой московский дом – основное хранилище, абонемент, читальные залы переместились с Большой Бронной на Бауманскую улицу. Давно нет и «национального» филиала на старой даче в Сокольниках. Но московские татары помнят и любят радужные стены Некрасовки.

Каждое время рождает своих художников. Одним из таких художников своего времени была танцовщица Селиме Челебиева. От знаменитого крымскотатарского танца «Тым-тым» в ее исполнении у зрителей захватывало дух. настолько утонченными и изящными были ее движения! настолько глубоко она понимала и чувствовала крымскотатарскую музыку и танец! В этом году Селиме Аблаевне Челебиевой исполнилось бы 95 лет.

Звезда танцевального искусства, уникальная танцовщица и грациозный мастер своего дела Селиме Челебиева родилась 18 августа 1921 года в поселке Симеиз недалеко от Ялты.

В детские годы Селиме могла только мечтать о сцене. Еще маленькой девочкой она осталась без отца, и детство ее было тяжелым. Поэтому юная Селиме обожала свадьбы – ведь там можно было дать волю эмоциям и танцевать:

«Жизнь наша была не из легких, – вспоминала Селиме Аблаевна. – Кусочек хлеба доставался очень тяжелым трудом. Но, даже живя в такой бедности, я принимала участие во всех свадьбах и праздниках нашего села, где я с удовольствием и от души танцевала. Единственный танец, который я знала, был народный танец «Агыр ава ве кьайтарма» – символ вечного движения».

После окончания школы Селиме приняли в Ялтинский танцевальный ансамбль, впоследствии, пройдя испытательный конкурс, в Ялтинскую хореографическую студию. Селиме два года училась танцевальному искусству. Учебу закончила в 1938 году. Затем, приехав в Симферополь, молодая танцовщица работала в крымскотатарском ансамбле песни и пляски.

В 1941 году, с началом Великой Отечественной войны, был создан ансамбль для выступления перед бойцами, в состав которого была включена и Селиме Челебиева.

По воспоминаниям одного из основоположников крымскотатарской классической музыки, талантливого композитора и участника ансамбля Ильяс Бахшиш, коллектив несколько раз попадал

под бомбежку на Перекопе и в Джанкое. Выступать приходилось в открытом поле – на импровизированных сценах и площадках. И только по счастливой случайности никто тогда не погиб.

«Во время бомбежки, когда бойцы и артисты спрятались в укрытиях, вдруг на лужайку как птица выпорхнула Селиме Челебиева в ярком, красочном цыганском наряде и начала танцевать цыганочку, – погружается в воспоминания Ильяс Бахшиш. – Все были ошарашены и удивлены смелостью молодой и красивой танцовщицы, и как зачарованные смотрели на ее темпераментный и зажигательный танец. А вражеские самолеты, отбомбившись, дали на прощание несколько очередей из пулеметов и улетели, кроме одного. Немецкий летчик несколько раз сделал круги над танцующей Селиме, а затем, как бы помавав крыльями, улетел».

Очень скоро Крым был практически полностью оккупирован германскими войсками. 29 октября 1941 года ансамбль вернулся в Симферополь. Однако до начала оккупации Симферополя артистов театра не успели эвакуировать. Фашисты решили угнать в Германию весь коллектив театра. По воспоминаниям Ильяс Бахшиша, немцы их сопровождали до Одессы, а там они остались без охраны. Воспользовавшись ситуацией, артисты бежали в Румынию. Здесь они разместились в татарском доме в селении Азаплар.

Освобождение пришло 29 августа 1944 года, а уже 15 ноября всех желающих вернуться на родину загрузили в товарные вагоны и отправили в очередную ссылку к землякам, с которыми они воссоединились в марте 1945-го. Её семья, как и весь народ, были депортированы из Крыма 18 мая 1944 года. Челебиевы попали в Свердловскую область. В 1948 году семья пере-

Ибраим ВОЕННЫЙ, журналист

ТАНЕЦ ДЛИННОЮ В ЖИЗНЬ

ехала в Наманган и уже здесь Селиме в 1951 году начала работать танцовщицей в областном драматическом театре.

В 1957 году в Ташкенте при Узбекском государственном оркестре эстрады был организован ансамбль песни и пляски крымских татар, который в дальнейшем был преобразован в ансамбль «Хайтарма». В состав театра были привлечены такие известные музыканты и артисты, как Ильяс Бахшиш, Сабрие Эреджепова, Кабул Сеитвелиев, Энвер Шерфетдинов, Рефат Асанов, Аким Джемилев, Селиме Челебиева и многие другие. Так Челебиева становится участницей коллектива крымскотатарского ансамбля «Хайтарма».

Концерты ансамбля пользова-

лись большим успехом. После 12 лет бесправия и комендантского режима появился хоть какой-то просвет. Вдали от Родины, после долгих лет унижений и оскорблений, находясь принудительно в местах депортаций, крымские татары наконец-то со сцен театров услышали звуки родной музыки, танцев, песен. Концерты проходили с аншлагами, люди плакали и долго не расходились. В 1969 году ансамбль «Хайтарма» выступил в Ташкенте. Танец «Сен да меним назлы ярем» в исполнении Акима Джемилева и Селиме Челебиевой зрители встречали, аплодируя стоя.

Артисты крымско-татарского ансамбля. В нижнем ряду третья справа Селиме Челебиева. г.Ялта 1938г.

Залы театров всегда были заполнены, зрители видели на сцене своих любимых артистов, они словно заново попадали в родной Крым. Танцы в исполнении Селиме Челебиевой («Агыр ава ве кьайтарма», «Эмирджелал ве кьайтарма», «Тым-тым», «Кьокья оюны») вошли в золотой фонд ансамбля «Хайтарма». Свой талант и уникальное мастерство она передавала молодым исполнителям.

Селиме Челебиевой музыкальность была присуща органически. Она чутко прислушивалась к музыке и следовала тончайшим нюансам звуков скрипки, как бы собирала музыку руками и передавала ее внутренний эмоциональный смысл в изумительном по выражению жесте. На глазах очарованных зрителей Челебиева лепила безупречной красоты движения, из которых и слагался танец-вдохновение.

Однако впоследствии Селиме Челебиева, как и Сабрие Эреджепова, Субхи Зейтуллаев и Аблямит Умеров, была вынуждена покинуть сцену и ансамбль. В течение многих лет после депортации создавали различные пре-

Селиме и скрипач Энвер Шерфетдинов

После увольнения Селиме Челебиева долгие годы работала костюмером в популярном ансамбле «Ялла».

Великая звезда крымскотатарского танцевального искусства умерла в августе 1989 года и похоронена на Родине в Крыму. Ее могила находится на кладбище в селе Доброе Симферопольского района, а башташ (могильный памятник) ей установила группа «Ялла» – в благодарность за ее незабываемое высокое мастерство в искусстве.

Вот как в разные годы отзывались о Селиме Челебиевой знаменитые деятели искусства.

Сабрие Эреджепова, певица:

«Селиме работала со мной неразлучно 15 лет, показав себя в качестве уникальной танцовщицы, трудолюбивой, любящей свою профессию и постоянно работающей над тонкостями и красотой своих танцев. Она стала любимицей народа, как танцовщица она покоряет зрителей своей темпераментностью и зажигательным исполнением своих танцев. Уникальное исполнение Селиме танца «Тым-Тым», ее кра-

сивые и утонченные движения рук, словно крылья птицы, движения, подобно змеи, долго не могли забыть те, кто видел то, что она исполняла, и равных ей не было».

Ильяс Бахшиш, композитор:

«Селиме Челебиева считается уникальной танцовщицей нашего ансамбля. Работая в нашем коллективе, она показала себя как талантливая танцовщица и хорошо знающая классические народные танцы артистка. Своим уникальным мастерством она делится с товарищами по профессии и обучает искусству молодежи».

Февзи Билялов, певец:

«Мы проработали в ансамбле «Хайтарма» вместе с Селиме 20 лет. Я знаю ее как трудолюбивую, не знающую усталости, любящую культуру нашего народа артистку.

Челебиева – мастер танца, грациозная и уникальная исполнительница, любящая и хорошо знающая крымскотатарский народный фольклор, воплощающая культуру народа в танце».

Сафтер Нагаев, литературовед:

«Мне не довелось часто встречаться лично с Селиме Челебиевой, но когда я видел танец «Тым-тым» в ее исполнении, у меня перехватывало дух. Если бы у меня была возможность, то я установил бы памятник Селиме, только за уникальное исполнение танца «Тым-тым».

Гъани Мурат, артист и режиссер:

«Селиме Челебиева наряду с крымскотатарскими народными танцами с огромным вдохнове-

нием и мастерством исполняла русские, украинские, грузинские, азербайджанские народные танцы. Она показала себя как талантливая артистка драматического и комедийного жанра. Талантливо и мастерски исполняла роли и воплощала образы в комедии Шамхалова «Свекровь», Залевского и Невзорова «Где моя любовь», в драме Юсуф Болата «Арзы кьыз» очень профессионально и ярко изобразила образ Айше».

Энвер и Алие Биляловы, артисты:

«27 декабря 1968 году начался набор в ансамбль «Хайтарма» и было принято на работу ещё около 20 человек. В те времена не было балетмейстера, работающего с женским составом нашего коллектива. Доработка и постановка всех танцевальных композиций, обучение держать себя на сцене, ходить и двигаться, вырабатывать грациозные движения кистей рук в танце – всё это было возложено на Селиме апте. Всем законам сцены Селиме апте обучала молодежь. Сама она была очень ответственной и терпеливой. Мы никогда не забудем эту удивительную женщину».

г. Симферополь

На сцене слева направо: Февзи Билялов, Урие Керменчели, Рустем Меметов и Селиме Челебиева

Одиночество и свобода Софии Губайдулиной

Дмитрий Шостакович как-то сказал студентке Московской консерватории Софии Губайдулиной: «Я желаю Вам идти вашим неправильным путем!». С тех пор она придерживалась этого совета. «Неправильный путь» стоил композитору нескольких десятков лет работы «в стол», «в никуда», опыты с синтезированными звуками и невиданными темпами. Музыка московской тройки авангардистов – Альфреда Шнитке, Эдисона Денисова и Софии Губайдулиной – стала прорывом в 1960-е. Рискованным экспериментом, который для Софии Асгатовны продолжается до сих пор. Признание сначала пришло на Западе. Франция, Италия, США, Япония, Швеция, а также Германия, где Губайдулина живет с начала девяностых годов – не единожды удостаивали ее престижными наградами. Своим творчеством она опровергла устоявшийся тезис о том, что великих женщин-композиторов не бывает. Выдающемуся композитору наших дней исполнилось 85 лет. Юбилейные торжества прошли в том числе и в Казани, где София Губайдулина начала заниматься музыкой. Знаменательной дате композитора был посвящен музыкальный фестиваль Concordia.

Про музыку Софии Губайдулиной говорят «не для всех», но саундтреки к культовым советским фильмам «Чучело» и «Маугли» знают и любят миллионы. Сегодня Губайдулина – лауреат почти всех престижных музыкальных наград мира, в том числе аналога Нобелевской премии – шведской Королевской музыкальной премии. В 85 лет София Губайдулина все также ловит слушателя в лабиринты своей музыки. Найти выход из них можно только с помощью работы души и напряжения интеллектуальных и эмоциональных мышц.

Родилась Сания в 1931 году в Чистополе, в Казань ее привезли в семимесячном возрасте. Мама Феодосия Федоровна работала учительницей младших классов, а отец Асгат Масгудович – геодезистом. «Мой отец татарин и моя русская мать образовали такую пару, которую нельзя было разделить ничем. Это любовь на всю жизнь, до старости...» – писала она позже.

Дед же Сони был имамом соборной мечети в деревне Байряка Ютазинского района. Незадолго до смерти ему предлагали стать муфтием в Уфе. Кроме того, он занимался просветительской деятельностью. При его содействии в Байряках были построены новое каменное медресе, здания для открытой им русско-татарской школы и женской школы. Для решения вопросов реформы мусульманского образования в России Масгуд ездил в Петербург, где был принят Витте. Говорят, дед Софии первым привез в Татарстан сельхозмашины из Америки.

После переезда в Казань семья Губайдулиных поселилась в доме №29 по улице Тельмана. Они занимали три небольшие комнаты шестой квартиры на третьем этаже трехэтажного деревянного дома. София Губайдулина прожила в этом доме до отъезда в Москву в 1954 году. Деревянный особняк с резными фасадами и балконами в 90-е годы сильно обветшал и был предназначен под снос. Однако его спасли, здесь теперь располагается Центр Софии Губайдулиной.

Знакомство будущего композитора с музыкой началось с гармонии. «Мы, три сестры, в детстве по долгу бегали на улице, – рассказывала сестра Софии Ида. – В соседях жил подросток Пашка. Он был немножко не в себе, все время играл на гармошке. Вокруг него роилась детвора, и сами собой собирались концерты. Пятилетняя Сонечка танцевала самозабвенно! Однажды выступление увидела свекровь нашей будущей преподавательницы музыки Екатерины Павловны Леонтьевой. Видимо, они и поговорили

с родителями о том, что неплохо было бы дать нам музыкальное образование. Нас с сестрой повели показывать директору музыкальной школы. Он сказал, что меня возьмет, а Соня пусть подрастет. Но она вцепилась ему в брюки и в слезах стала уговаривать ее тоже принять. Появление рояля «Слесарь» обернулось для нас настоящим радостным потрясением».

«Вы спрашиваете меня о самых ярких впечатлениях детства и юности в Казани? – вспоминала София Асгатовна. – Голод. Я помню голод. Все время был голод. За исключением, пожалуй, только одного года – 1939-го. В 1939 году вдруг появились яблоки, много было яблок, и молоко... Но, несмотря на трудности, мы с сестрой оставались в музыкальной школе, наше образование продолжалось... Духовная компонента была всегда сильнее обыденности. Несмотря на сложности, жизнь оказывалась интенсивно интеллектуальной: все мои стремления были направлены на то, чтобы овладеть музыкальным мастерством...»

Огромное чувство любви девочка испытывала к первой учительнице музыки Екатерине Павловне Леонтьевой и директору музыкальной школы Рувиму Львовичу Полякову, которого она называла своим «духовным отцом». Эти два человека научили юную ученицу любить Баха, Моцарта, Бетховена. Вскоре начинаются и ее первые настоящие концерты.

В 15 лет София поступает в музыкальное училище в класс фортепиано к преподавателю Марии Пятницкой и факультативно занимается сочинением музыки. В 1949 году оканчивает училище с отличием. Через пять лет оканчивает с отличием Казанскую консерваторию по двум специальностям – фортепиано и композиции – у профессоров Григория Когана и Альберта Лемана. У студентки-пианистки никогда не было страха перед аудиторией, наоборот, на сцене она расцветала. Девушка обладала всеми данными, чтобы стать исполнительницей виртуозом, однако по направлению Лемана София Губайдулина в 1954 году поступает в Московскую консерваторию на факультет композиции. Она обучалась сначала в классе Юрия Шапорина, с которым у первокурсницы не сложилось взаимопонимания, так как профессор не мог точно прочесть ее своеобразные партитуры, а затем в классе Николая Пейко.

В Московской консерватории ее индивидуальный музыкальный язык начал проявляться в полную силу. Сочинения Губайдулиной слишком отличались. Ее однокурсник Тихон Хренников, говорил: «Соня, пиши, как все мы пишем. Будешь как сыр в масле кататься». Она ему отвечала: «Я так не могу». И жила в коммуналке чуть ли не впроголодь. Неустоенность повлекла большую жертву с ее стороны: Губайдулина вынуждена была отправить дочь Надежду, родившуюся в 1959 году в браке с поэтом Марком Ляндю, на попечение бабушки и дедушки в Казань. Она очень переживала, и принятие в жертву чего-то важного ради миссии стало одной из острых тем в ее творчестве. Отдушиной были работа над музыкой к кино и мультфильмам. В ее фильмотеке 25 лент, среди них – и мультфильмы «Маугли», «Кошка, которая гуляла сама по себе», и художественные ленты – «Вертикаль», «Крейцера соната», «Кафедра». Едва ли не самой заметной работой стал фильм «Чучело».

В это же время Губайдулина творит и в экспериментальной студии электронной музыки. Работая рука об руку с Эдисоном Денисовым, Альфредом Шнитке, Эдуардом Артемьевым, София Губайдулина экспериментировала с электронными тембрами и написала единственную электронную пьесу «Vivente — non vivente», потому что работать с «живыми» инструментами ей было предпочтительнее.

На съезде Союза композиторов СССР в 1979 году Губайдулина подверглась публичному осуждению. В докладе председателя Союза Тихона Хренникова музыка Губайдулиной подверглась жесткой критике, и она попала в так называемую «хренниковскую семью» — «черный список» отечественных композиторов авангардного направления. Музыка этих композиторов не исполнялась нигде, так как была официально запрещена. К 1991 году четверо из семи, в том числе и Губайдулина, покинули Россию. С тех пор много лет она живет в деревне Аппен под Гамбургом.

«Здесь не приходится приспосабливаться к повышенному активному современному ритму, – говорит композитор. – Я стремилась к тишине, хотела уйти от этой повышенной активности. И я это получила. Для меня, как для художника, очень важно наличие спокойствия, тишины, из которой я могу почерпнуть свое собственное, истинное слышание музыки». Аппен кажется Губайдуллиной настоящим раем: «В обстановке большого индустриального города просто невозможно достигнуть такого внутреннего слышания музыки, как там, где нет этой современной накалированности». Есть, конечно, и практические предпосылки такого выбора: близость к Гамбургу, где находится издательство «Sikorski», с которым работает композитор, а также соседство близких друзей.

Признание пришло к Губайдулиной с опозданием, но все-таки пришло. Еще в начале 60-х годов, приехав в Германию в связи с премьерой своей оперы «Леди Макбет Мценского уезда», Дмитрий Шостакович, не доверяя скверному переводу, настойчиво повторял на пресс-конференции в Берлине: «Гу-бай-ду-ли-на! Запомните это имя! Губайдулина! Она татарка...» Это был ответ на вопрос о самых интересных явлениях в советской музыке.

В профессиональной среде на родине о значении таланта Губайдулиной знали всегда. Ну, а в реальном ощущении ее музыка пришла к мировому слушателю в 1981 году благодаря Гидону Кремеру. Покинувший СССР скрипач взорвал музыкальный мир исполнением посвященного ему концерта «Офорториум». Музыка Губайдулиной быстро нашла путь к западному, в частности, к немецкому слушателю и завоевала место под филармоническим солнцем.

Наверное, ни один из ныне здравствующих российских композиторов не может сравниться с Софьей Асгатовной в востребованности и понятости. Эта музыка универсальна, глубока, индивидуальна и одновременно проста в самом высоком смысле этого слова. Профессиональная дисциплинированность, о которой приходится слышать немало хвalebных слов от организаторов концертов и фестивалей, и личное обаяние довершают дело.

Сочинения Губайдулиной уже четвертое десятилетие исполнялись и исполняются крупнейшими российскими и зарубежными музыкантами и коллективами — среди них Геннадий Рождественский, Гидон Кремер, Наталия Гутман, Марк Пекарский, Саймон Рэттл, Кент Нагано, Мстислав Ростропович, Валерий Гергиев, Анне-Софи Муттер, «Кронос-квартет» и многие другие.

Губайдулина — лауреат трех десятков престижных премий, присужденных ей в России, Германии, США, Японии, Дании, Швеции, Китае и других странах. Иной художник в подобной ситуации предпочел бы почитать на лаврах, но не Губайдулина. Она продолжает активно работать. Одной из важнейших задач, которые ставит перед собой София Асгатовна, объединить черты культур Запада и Востока. Ее творчество — редкий, но яркий пример такого слияния. В ее произведениях нет никакой восточной мелодики, а только естественно сливаются образы восточных и западных ощущений и мыслей в одно новое целое, как сливаются в ее жилах две крови — Востока и Запада.

Подготовила
Ландыш БУЛАТОВА

Рауль МИР-ХАЙДАРОВ

Венеция и цветы из Ниццы

Редакционный совет и коллектив газеты «Татарский мир» искренне поздравляют нашего постоянного автора, известного российского писателя, автора более 30 книг, лауреата Литературной премии МБД СССР (1989 год), заслуженного деятеля искусств Рауля Мирсандровича Мир-Хайдарова с 70-летним юбилеем.

Рауль Мирсандрович Мир-Хайдаров родился 17 ноября 1941 года в поселке Мартук Актюбинской области Казахстана в семье арендаторских татар. По образованию инженер-строитель. Работал в строительных организациях в разных уголках СССР. Мил и работал в Магнитке.

С 1981 года Рауль Мир-Хайдаров посвящает себя писательскому труду. Его романы «Наше прощание», «Двойник китайского императора», «Мать пиковая», «Судить буди», «Ранняя печаль», «За все нами были» многократно печатались на русском и татарском, переводились на десятки иностранных языков.

Рауль Мир-Хайдаров с женой Ириной являются владельцами одной из самых больших частных коллекций живописи в России, основу которой составляют современные художники, работающие в разных направлениях. Живописные работы из его коллекции неоднократно выставлялись в известных московских галереях и за рубежом.

От имени своих читателей Р.М. Мир-Хайдарову искренне желаем крепкого здоровья, счастья и новых творческих успехов.

**И все, что было мило
и немило,
Вода навеки унесла.
Евгений Рейн**

Совсем недавно, в апреле 2016 года, я провел интересный, душевный вечер в компании земляков, пристально следящих не только за моими книгами и публикациями, но и за путешествиями по миру. Об этих путешествиях много сказано в недавно законченных мемуарах «Вот и все... я пишу вам с вокзала». В этих путешествиях по разным странам сделано множество фотографий, которые широко представлены на моем сайте. Там много снимков из Лондона, Рима, Вены, Мюнхена, Амстердама, Стокгольма, Брюсселя, Монте-Карло. Но этим вечером мой рассказ о замечательных, полных истории, великой архитектуры и культуры городах никак не складывался, почему-то не вызывал огня и интереса у собеседников. Вялотекущую беседу нарушил молодой бизнесмен, с чьим отцом я часто общался в молодости. Он рассказал, что уже не раз прочитал мемуары, выложенные на моем сайте, и ему особенно запомнились главы, где упоминается Ницца, Канни, маленькие приморские городки Прованса, юга Италии, Венеция. Он задал вопрос, прозвучавший для меня мистически, который возвращал в юность, давал вновь остро почувствовать время, время первой оттепели в стране сурового обитания, где все мечты и фантазии упирались в железный занавес.

Только благодаря интересу юноши и состоялось это эссе, воспоминания для которого я нашел в глубине и закоулках своей памяти. Это пример того, как неожиданно рождается литературное произведение, будь то рассказ, поэма или пьеса.

Вопрос этот дословно прозвучал так: «А какие у Вас сложились отношения в юности с Ниццей, Венецией. Мечтали ли Вы когда-нибудь посетить эти города?» Я ответил искренне – нет, не мечтал, и вряд ли мое поколение примеряло на себя такие путешествия в далекие страны. Мы даже не помышляли, что когда-нибудь, пусть

случайно, побываем там. Другая жизнь, другие мечты, другие планы, ориентиры.

Но... Однажды... в Актюбинске я испытал эмоциональный взрыв только от одного названия не знакомого мне города. Я пришел на концерт гастролеров из Москвы во Дворец железнодорожников с девушкой, о ней я написал в рассказе «Монолог Арбенина», о ней упомянул в мемуарах, когда впервые в 17 лет пригласил её в лучший ресторан города.

Концерт был так себе, но запомнилась одна томная, мажорная певичка с неожиданно мощным голосом, как у Далиды. Запомнилась надолго романсом «Цветы из Ниццы». Песня что-то затронула в моей душе, да так, что это почувствовала моя спутница. Особенно, до дрожи, меня взволновали слова припева, где рефреном повторялось: «Ницца... Ницца...» После концерта я несколько раз напел припев, словно предчувствовал, что когда-то что-то свяжет меня с далекой и романтической Ниццей, откуда возлюбленным посылают цветы. Но девушка не поддержала моего романтического порыва, сказала – оставь, цветы из Ниццы не про нас. Даже в 17 лет, на пороге взрослой жизни, когда все впереди видится только в мечтах, фантазиях, мы не могли и помыслить ни о Венеции, ни о Ницце, ни о Монте-Карло, ни о Фиджи и Сан-Тропе, ни о Париже...

Но много лет спустя я все-таки побывал почти во всех романтических местах, щедро разбросанных по миру, упомянутых в прочитанных мною книгах, вызвавших у меня восторг и очарование, и добрался-таки до своей Ниццы. И почему-то в Ницце мне будут нравиться рестораны только на цветочном базаре в старом городе. Я люблю покупать цветы на Лазурном берегу для Ирины только там. Цветы из Ниццы... которые так разволновали меня в 17 лет.

Ницца для меня это, прежде всего, паломничество в Грасс к великому А. Бунину, к его вилле «Бельведер» на горе, у подножья парка принцессы Анны, где он прожил тридцать лет, где написал зна-

менитые «Темные аллеи», где получил известие о присвоении ему Нобелевской премии. Я сам нашел места, любимые Иваном Алексеевичем в Грассе – посидел у могучего дуба, чей возраст уже перевалил за два с половиной века, нашел на старой площади города кафе на открытом воздухе под ажурным, отлитым из чугуна шатром, построенном в 1912 году архитектором Эйфелем, да-да, тем самым Эйфелем, создавшим знаменитую парижскую башню.

Каждый раз, бывая в Грассе, мы с Ириной обедаем в этом кафе, представляя, как любимый писатель просидит здесь долгие летние вечера за бутылкой «Бордо».

Жизнь в Ницце для меня предполагает частые поездки в горы, в городок Сен-Поль-де-Ванс, его еще называют городом ста галерей, где представлены современная и антикварная живопись, а также скульптуры малой формы известных мастеров со всего света. Такого разнообразия форм, стилей, сюжетов, жанровых сцен в скульптуре я не видел даже в лучших музеях современного искусства. Сен-Поль-де-Ванс притягивает нас с Ириной как магнит. Разве можно представить более интересное место для коллекционера живописи и скульптуры с пятидесятилетним стажем!

Но если быть откровенным до конца, почему меня притягивает Ницца, нужно объяснить, что только здесь повсюду я встречаю следы жизни другого горячо любимого писателя, кумира – Ф.С. Фицджеральда и его литературных героев. Их следы я нахожу по всей цепи приморских городков, которые я очень люблю и часто там бываю. Начинаются они от Вильфраншюр-Мер до Жуан-ле-Пен, где Фицджеральд купил на свои сумасшедшие гонорары от издания «Великого Гэтсби» роскошную виллу, которую нынешние владельцы переделали под ресторан. С веранды этого ресторана, скроенного по фицджеральдовским лекалам, хорошо просматриваются лежащие внизу море, сады, рощи. Этот сохранившийся ракурс так любил Фицджеральд и

называл его – раем на земле. Подробнее о Ницце, о Провансе, о Фицджеральде можно прочитать в мемуарах и во многих моих романах.

В Венеции я бывал с Ириной трижды и хочется поделиться не столько впечатлениями об этом городе, они, наверное, будут у каждого свои, я же хочу дать советы тем, кто еще только собирается в те края. В Венецию надо приезжать на неделю минимум, там есть что посмотреть. Селиться желательно в центре, живя в Местре, вы будете очень уставать, переезды отнимут ваше драгоценное время, а из центра вапоретто стартуют сразу во все стороны. В Венецию надо приезжать ранней весной или осенью, когда спадает не только поток туристов, но и жара. В хорошую гостиницу не попасть, если не заказать и оплатить её месяца за два. Иначе придется жить в тесных беззаконных комнатах, или ваши окна будут выходить на канал, который не везде приятно пахнет.

В Венеции есть филиал знаменитого музея Гуггенхайма, открыла его Пеги Гуггенхайм, вдова владельца американского музея. Билет, по нашему меркам, дорог – 16 евро. Но мне больше нравится местный музей «Ка' Пезаро», история которого насчитывает больше двух веков – роскошный, неожиданный, занимает четыре этажа, на него и двух дней не хватит.

Один день целиком надо побыть на острове Мурано, откуда пошло знаменитое венецианское стекло. Посетите в Мурано музей истории стекла, там большинство экспонатов выполнены в единственном экземпляре, и многими из них владели великие венецианцы. Можно увидеть и как сегодня выдуваются уникальные произведения – вся работа делается вручную, как и века назад. Магазинов, лавчонок, торгующих цветным стеклом – сотни, на любой кошелек. Меня там поражают скульптуры из стекла – но это уже высший пилотаж известных мастеров. Дорого, но глаз не оторвать, столь хороши изделия. Много предметов быта – какие бокалы, фужеры, вазы, подносы,

тарелки предлагают в каждом магазине – дух захватывает. В Мурано приобретают не только сувениры из стекла, но и серьезные подарки для близких, для молодоженов, для домашнего интерьера.

Если вам дорого имя нашего знаменитого поэта И.Бродского, посетите остров Сан-Микеле, поклонитесь его могиле. Мы были там трижды, возлагали цветы в разные годы и в разное время, фотографии есть на моем сайте. Этот снимок будет вам ориентиром в поиске. Очень скромное место, вместо привычного для нас гранита, мрамора – невысокое бетонное надгробие с выбитым на нем именем поэта. В последний наш приезд искрошившееся бетонное надгробие заменили на новое, точно на такое же бедненькое, кладбищенско-стандартное. Грустно... Печально... Жаль...

Я уже писал, что у Бродского много почитателей среди российских миллионеров, по телевизору они часто распинаятся в любви к его творчеству, но почему же тогда они не поставят своему кумиру достойный памятник? Бродский уж точно заслуживает быть отлитым в бронзу. На мой взгляд, он прославил не только себя, Петербург, но и Россию. Открыл список Нобелевских лауреатов великий Бунин, а закрыл, как мне кажется – надолго, если не навечно – он, Бродский.

В Венецию с Ириной мы всегда прилетали самолетом, но уезжали дважды поездами. Ночные поезда в Европе сохраняют время. Однажды мы отправились из Венеции в Женеву, оттуда переехали в Монтрé, чтобы поклониться другому кумиру – В. Набокову. Вот у кого достойный памятник! Памятник стоит в сквере на фоне отеля «Монтрé Палас», где писатель прожил в апартаментах 18 лет. Мы остановились в «Монтрé Палас» на том же этаже, где он жил, обедали и ужинали за тем же столом, где чаще всего сидел Набоков. Фотографии отеля и памятника есть на моем сайте. Есть на сайте и фотография памятника Бунину в Грассе у его виллы «Бельведер», где он прожил 30 лет, туда мы наезжаем чаще всего.

С женой Ириной

Второй раз поездом мы уехали из Венеции в Мюнхен, где живет старый друг моей ташкентской молодости Александр Фитц, серьезный писатель, жизнелюб, бывший главный редактор двух известных в Ташкенте и Москве газет. У него много книг, изданных в России и Германии, он лауреат нескольких престижных премий. Присутствует на известных интернет-сайтах. Поехать в Мюнхен мы планировали давно, нас интересовал там крупнейший в Европе музей современного искусства. А Фитц, в молодости поклонник мюнхенской «Баварии» как и я, обещал отвести нас с Ириной в загородный ресторан, где несколько столиков навечно зарезервированы за «Баварией». Контактный Фитц, не потерявший журналистской хватки, знает многих действующих игроков, но больше любит общаться с поколением Оверата, Мюллера, Беккенбауэра, Шнелингера, Фокса... В музей мы ходили три дня, очарованные величайшим собранием, приобрели новые знания о современном искусстве. Попали мы и в ресторан. Фитц с супругой Ириной угостили нас удивительной по красоте и вкусу рыбой, нам представили её живой, трепыхающейся на серебряном подносе. Конечно, разговор шёл о Ташкенте, то и дело звучало – а помните? Ирина, жена Фитца, тоже из Ташкента, врач. Все было замечательно, только футболисты «Баварии», ни старые, ни молодые, в тот вечер в ресторане не появились.

Но вернёмся к Венеции – когда и как она вошла в мою жизнь. Моё первое, ярчайшее знакомство с Венецией произошло в далекой невозвратной юности. В 1964 году, в конце февраля я летел из Ташкента в Джезказган, прямым рейсов туда не было, и я должен был сделать пересадку в Алматы. Казахская столица встретила буряном, и наш самолёт с трудом приземлился. Не успели мы пройти в аэровокзал, как услышали сообщение – аэропорт закрывается по метеоус-

ловиям на двое суток. Меня эта неприятность, признаюсь, не огорчила, скорее наоборот. В молодости я знал и любил Алматы. Я отправился в гостиницу «Казахстан». Замечательный отель в центре города, рядом кинотеатр, концертные залы, универмаг. В городе метель вела себя менее агрессивно, и столица жила обычной жизнью. Я быстро снял номер и через полчаса уже купил билет на английский фильм «Свидетель обвинения». До сеанса успел обежать универмаг, заглянуть в книжный магазин и даже купить книгу тогда не известного мне польского писателя Станислава Дыгата «Путешествие», потому что она вышла в «Художественной литературе» в популярной серии «Зарубежный роман XX века», которую я собирал. 60-е – ярчайшие годы советской эпохи, страна рвалась к звёздам в прямом и переносном смысле. Дух созидания царил во всем – страна строилась, обустроивалась повсюду. Везде, не только в Москве, бурлила жизнь, что ни день открывались театры, концертные залы. 60-е годы отмечены ещё тем, что по всей стране открывались впервые молодежные кафе. Вернувшись в гостиницу и устроившись в уютном кресле под торшером, открыл книгу... На меня с первых же глав повеяло запахами моря, на волнах которого уже веками процветал великий торговый город... Надеюсь, вы поняли, что роман оказался о Венеции. Я лёг спать только под утро, но книгу не закончил. Я и не спешил, так радовался сложившимся метеоусловиям. Роман был написан мастерски, автор прекрасно знал Венецию, понимал, что в великих городах кипят великие страсти. Истории людей, живущих на воде, совсем не похожи на истории влюблённых, живущих на бренной земле, на суше совсем иные шторма и наводнения. Главное, что я отметил тогда, что автор умеет передавать настроение не только героев, но и времени. Через семь лет я открою для себя Фицджеральда и тут же вспом-

ню Дыгата, чьё «Путешествие» напомнит мне и «Великого Гэтсби», и «Ночь нежна». Достойная ассоциация!

Изложу вкратце сюжет, который навсегда оставил Венецию в моей памяти. У молодого варшавянина, студента из простой семьи, старший брат давно живёт в Италии, там он стал одним из самых известных кинорежиссёров, женат на знаменитой кинодиве, живет в роскоши, но не общается с отчим домом. Но однажды, на студенческие каникулы он неожиданно приглашает младшего брата в гости, в Венецию, где снимает очередной фильм. Устраивает брата в хорошем отеле, где юноше открывает неограниченный счёт, одевает его с ног до головы, даёт на расходы большую сумму, но встречается с ним редко, общается только по телефону – занят, съёмочный день в Венеции и тогда стоил сотни тысяч долларов. В волшебной Венеции юноша, предоставленный сам себе, встречает неземной красоты девушку, влюбляется, и у них начинаются невероятно романтические отношения, быстро перешедшие в страстную любовь – кино, да и только. Такая стремительная история может возникнуть только на Лазурном берегу или... в Венеции.

Но... история любви кончается для юноши таким разочарованием, крахом, что я даже не могу пересказать, нужно цитировать автора, но я не стану. Возвращаясь в Варшаву, в вагоне-ресторане, повзрослевший на годы юноша рассказывает свою печальную историю случайному попутчику.

Я люблю в романах заключительные строки, лучшие из них говорят о большом мастерстве писателя, но они мало кому даются, не даются и мне. Лучшим примером считаю последние строки Ф. Фицджеральда в «Великом Гэтсби», я использовал их эпиграфом в «Ранней печали» и в мемуарах.

Степень разочарования юноши в Венеции, где он был счастлив, столь велика, трагична – он даже хотел покончить с собой, – что ему сочувствуешь, хотя он сказал о Венеции такие кощунственные слова, такие безжалостные, как никто и никогда не говорил о ней. Но мы невольно прощаем ему даже жуткое пророчество, цитирую героя по памяти: «... говорят Венеция ежегодно погружается на несколько сантиметров в пучину – пусть проглотит её море!» Но Венеция стоит, к нашей радости, несмотря на всякие природные катаклизмы и проклятия.

Я просто обязан сказать несколько слов о Станиславе Дыгате, познакомившего меня не только с Венецией, но ещё и открывшего мне Польшу, поляков. Прочитав «Путешествие», я стал тоньше понимать поляков, их романтические порывы души, их гусарство, их галантность, тягу к искусству, к другой, более достойной и независимой жизни. Дыгат открыл мне дверь в великую польскую литературу, благодаря ему я познакомился с Болеславом Прусом и его легендарным романом «Кукла». Я рад, что роман не затерялся в XXI веке, недавно по нему снят многосерийный фильм. А дальше мой список польских писателей пополнили: Ежи Путрумент с его трагической «Чашей», Ежи Стефан Ставинский, Генрик Сенкевич, Владислав Реймонт,

Бруно Ясенский, Юлиан Тувим, Мария Домбровская, Станислав Лем, Славомир Мрожек. Двое из этого списка – лауреаты Нобелевской премии.

Благодаря знакомству с литературой, я открыл для себя и польское кино, и великих польских кинорежиссёров: Анджея Вайду, Романа Полански, Анджея Жулавского, Ежи Кавалеровича, Ежи Гофмана, Кшиштофа Занусси – человека рафинированной культуры, энциклопедически образованного. Он не только снимает кино мирового уровня, но и ставит театральные постановки в известнейших театрах по всему миру и в России тоже. Преподаёт в престижных университетах мира, часто выступает по телевидению в разных странах. Как многие поляки, он – полиглот, говорит на многих языках и на русском тоже. Я записал несколько его выступлений в больших аудиториях и время от времени прослушиваю их снова и снова. Культурная глыба, величайшего ума человек, просветитель, профессионал, гуманист. Кстати, через 40 лет после прочтения «Путешествия», хорошо зная творчество Кшиштофа Занусси, я неожиданно подумал: а не стал ли он прототипом героя романа Станислава Дыгата? Не удивляйтесь, у Кшиштофа старший брат жил в описываемое время в Италии, он мультимиллионер, владелец старейшего в Европе бренда стиральных машин «Занусси». Вот куда могут завести думы от хорошей книги. Если мне когда-нибудь удастся встретиться с Кшиштофом Занусси, обязательно спрошу его об этом.

С Польшей, с польской музыкой у меня есть ещё одна неразрывная с юных лет связь. Нет, я не о полонезе Михаила Клеофаса Огиньского, что по радио регулярно звучал для советских слушателей лет пятьдесят и оборвался вдруг, к сожалению, навсегда. Жаль, прекрасная музыка!

Но я сейчас о другом. В 1955 году я приобрел пластинку ещё до «виниловой» эры, тогда не существовал даже термин «миньон», а купленная пластинка была именно этого размера. На ней оказались песни польских композиторов. Одна из них стала чрезвычайно популярной, я помню, как её крутили на всех танцплощадках Мартука, Актюбинска, Оренбурга лет пять. Волнующая душу мелодия танго до сих пор сохранилась в моей памяти. Называлась она «Апассионата». Прошло шестьдесят лет, а я до сих пор помню имя исполнителя – легендарный король эстрады Януш Гнятковский.

Пластинку я никому не доверял, долго сам приносил на танцы в парк и в зимние танцевальные залы, но не уберёг – она все-таки пропала. С тех пор я искал эту пластинку. Мне обещали помочь и поляки, с которыми я общался в разных странах, обещали и знакомые меломаны. Но, помог Интернет – хотя пластинку я не нашёл, но, спустя многие годы, снова насладился этой щемяще-грустной и печальной польской мелодией, которая не уступает по силе настроения и королю танго Астору Пьяццолле, мелодии которого ещё с середины 30-х годов Апрельевский завод грампластинок тиражировал миллионы экземпляров.

Я нашёл запавшую в душу «Апассионату», которую многие годы помнил и искал. От-

того у меня крепнет надежда, что польская ретро-музыка 50-60-х годов ещё обрадует новые поколения россиян.

Тем, что я люблю Польшу, её народ, её культуру, литературу, искусство во всех его формах, польский шарм в мужчинах и женщинах, я обязан только – Станиславу Дыгату. Ищите в любой стране своего писателя и вам всегда откроется во всей красе его родина и народ.

Но вернёмся в последний раз в Венецию. Есть там два места, чаще всего упоминающиеся в туристических проспектах и в разговорах тех, кто там побывал – площадь Сан Марко и кафе «Флориан». О кафе, которому сегодня без малого триста лет, хочется добавить несколько слов. Мы всегда жили в пяти-семи минутах хода от Сан Марко, в гостинице у театра «Ла Фениче» и по вечерам заглядывали во «Флориан» не только из-за музыкального квартета, где, действительно, играют замечательные музыканты. Нынешний вид «Флориан» приобрёл в середине 19 века, когда семья Флориан продала известное кафе. Заведение было настолько популярным, что новые владельцы, перестроив его до неузнаваемости, вынуждены были оставить герб первого владельца, на котором обозначено – Флориан. Забыл сказать, что со дня основания его могли посещать мужчины и женщины, до «Флориана» женщины в подобные заведения не допускались. Кафе, кроме столиков на открытом воздухе, имеет внутри ещё три зала. Мне особенно нравится зал Великих людей, его оформлял художник Джулио Карлини, он написал портреты десяти прославленных венецианцев: Карло Гольдони, Марко Поло, Тициана, архитектора Палладио, композитора Марчелло, учёного Паоло Сарпи и адмирала Пизани.

Нравится мне и Китайский зал, очень популярный сегодня у китайцев, заполонивших все туристические маршруты мира. Пишу эти строки в Испании, только что вернулся с Ириной из маленького очаровательного городка Михас, где есть на что посмотреть, мы стареемся посетить его каждый раз, бывая в Андалусии. Сегодня настроение испортили гости из Поднебесной, нигде не протолкнуться, все кафе, рестораны заполнены ими под завязку. Учтите «китайский фактор», отправляясь в Венецию. Наверное, надо отметить, что во «Флориане» бывали Гёте, Байрон, Пруст, Модильяни, Дягилев, Стравинский, Герберт фон Караян, Леонард Бернштайн. Есть у «Флориана» и третий зал – зал Времён года.

Конечно, большинству туристов знакома лишь надводная часть «Флориана», цены здесь, действительно, кусаются, но и сервис хорош, кофе в серебряных кофейниках и чашках из лиможского фарфора с гербами 18 века уже редко где подают. На улице чашка кофе, когда мы там бывали, стоила 10 евро, сейчас, наверное, стоит дороже. Но... только цена сохранила для нас «Флориан» в нынешнем состоянии, иначе бы он давно стал забегаловкой – за то и платим.

Апрель 2016 г.

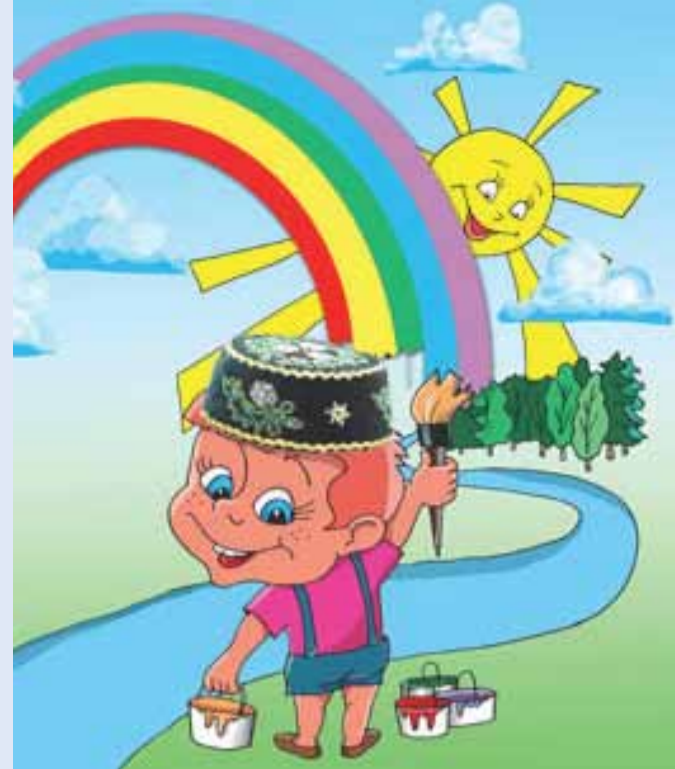
Испания,
Марбелья

Нəжіп
Мадияров

ЙОКЛАМЫЙ, ЧЕРЕМ ИТӘ

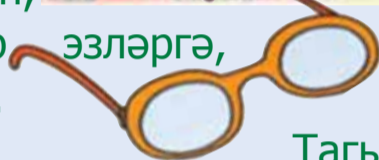
МИНЕМ КҮПЕР КАЙ- ЧАН ЧЫГА?

ӘБИ КҮЗЛЕГЕН ЭЗЛИ

Кайда икәннен белми,
Әби күзлеген эзли;
Күзлеге бит кулында,
Әмма ул аны сизми.

Аңа, - әби, әби, - дим,
Каршысына ук килеп,
-Жайлы булыр эзлəргə,
Күзлегеңне ки элек.

Әби күзлеген кия,
Үзе елмаеп көлə.
- Рəхмəт, табып бирдең, - ди,
Аркамнан сəя-сəя.

Биялəй бəйлəгəн чакта,
Утырган килеш кенə,
Безнең әби йоклап киткəн,
Ахрысы ул төш күрə;

Йоклаган килеш елмая,
Селкетə иреннəрен.
Шул вакыт йөгереп килə
Минем яныма энем.

- Энекəем, - димен аңа, -
Йөгерүдəн тукта син!
Уяна күрмəсен әби,
Тагын берəз йокласын!

Энем каршы төшөп миңа
Үпкəлəгəндəй əйтə:
- Әбиебез йокламый ул,
Тик черем генə итə.

- Салават күпере чыкты,
Күрегең, нинди матур!..
Шундый сүзлəрне ишеткəч,
Өенə чапты Батыр.

Кайту белəн, - әни, - ди ул, -
Əйт əле шуны миңа,
Салаватның күпере чыкты,
Минеке кайчан чыга?

СУЫК БАТЫР

Көн аязса, суык батыр
Үз жаен ала көйлəп.
Йөри күзлəр күрми торган
Озын чыбыркы сөйрəп.

Шуның белəн кар тузгытып
Уйный су буйларында.
Жəяүле буран чыгарып
Йөри кыр юлларында.

Һәм шул чыбыркысын селтəп
Күл бозларын чатната.
Кайчак стенага сугып
Бүрəнəне шартлата.

ҮПКƏЛƏП БУЛМЫЙ ӘБИГƏ

Әби миңа дəшə беркөн:
- Равил, Гамил, Данил, - ди. –
И-и, саташып ялгыш əйттем,
Наил, Камил, Гамил... ни...

- Әби, - димен мин, елмаеп,
-Тагын дөрөс булмады.
Алар бит олы һәм кече
Кызларыңның уллары.

Ә ул көлə: «Әбиегез
Менə шундый инде, - ди, -
Азат улым, картайдым шул,
Гаеплəмə мине», - ди.

Үпкəлəп булмый әбигə,
Бик дөрөс əйткəн сүзе.
Без бит аның оныклары
Унлап,
Ә ул берүзе.

ҮЗ ШƏҮЛƏСЕН КУР- КЫТА

«Мыраветдин»гə ни булган?
Ике күзен аларткан.
Сыртын көянтəдəй иткəн,
Ә койрыгын кабарткан.

Жыелган суга акаеп
Карап тора шул килеш.
Үз шəүлəсен ул икенче
Мəче дип белгəн, имеш.

Һәм мыраулый, аңа карап,
Бик ямьсез тавыш белəн;
Янəсе, кит бу тирəдəн,
Юкса кирəгең бирəм.

Талгат Галиуллин, доктор филологических наук, профессор

Мелодии души поэта

Ведь известно, что всякий народ неизбежно погибнет, Если знамя своё дорожное с земли не поднимет. (Милләт төсен жуйган халык бетәдер, Хөр әләмең эңгәр күккә күтәр бер!)

Поэт Ленар Шаех хорошо понимает, что политика некоторых учёных деления народа на разные группы: на сибирских татар, мишарей, кряшен и т.д., это дурное предзнаменование:

Не разделяйся, мой народ, Настал черёд смотреть вперёд, В единстве, целостности твой путь, Не запятой, не точкой будь!

Вера, чувство гордости лирического героя достигает апофеоза:

Татарский ум и смелый шаг, Вам – восклицательный гордый знак! Вес мир моим татарам шлёт И уваженье, и почёт!

Прочитав эти строки, напомнившие нам времена правления Аттилы и Кубрат-хана, так и хочется сказать молодому поэту спасибо за такие красивые строки. Поэт не может простить равнодушие к своему прошлому, к своим святыням. Яркий пример этому стихотворение «Элегия гостинице «Булгар», где жил Габдулла Тукай».

Тебя уже нет, святой наш «Булгар»... – Народ мой, так поступить Как мог ты?..

В досаде кусая губы, Пытаясь тебя разбудить...

Душа лирического героя болит за то, что никто так и не ответил за такое преступление, своей дикостью равное средневековому варварству. К сожалению, не внятия просьбе обществу не сносить национальной святыни – единственного местожительства великого Тукая в Казани.

Л. Шаех пытается сохранить дух историзма и в других стихотворениях, посвящённых великим личностям. Образ времени со своими трагедиями находит поэтическое отражение в триптихе «Трое». Память об односельчанах, притягивающих к себе словно маяк, ему особенно дорога. Жертва сталинских репрессий, великий актер Мухтар Мутин; острословный, справедливый сатирик Гамиль Афзал; открывший множество тайн истории татарской культуры, чрезвычайно начитанный и скромный Альберт Фатхи. Судьбы талантливых людей, искренне служивших своему народу и Отчизне, всегда были трагичны, считает поэт. Если Г. Афзал «закалился» на Магнитке, то А. Фатхи, как и Тукай, не найдя своего счастья, тепла, безвременно скончался:

Для истории был ты рождён... Но казанским морозом побеждён... Ведь таков уж реальный мир у нас: Одинокой свечи огонь погас...

Этой личности, просвещенцу посвящена и одноимённая поэма Л. Шаеха, которая не попала в рецензируемый сборник.

Отношения «наставников и приемников» являются как бы продолжением предшествующих мыслей. Поэт говорит, что «наша вера святая» – Тукай возвращается «на паре гнедых», и предупреждает, что неверующим «придётся склониться пред величием Тукая» («Тукай возвращается!..»), а в стихотворении «Моабит» он склоняет голову перед Джалялем. Также Л. Шаех создает яркие образы своих наставников Г. Афзала и И. Юзеева, с которых ему посчастливилось брать уроки жизни, уроки слова, слога, рифмы («Гамиль Афзал», «Ильдар-абый»). Он не сомневается, что в каждом поколении будут свои Туфаны: «Татары есть – придут Туфаны, Туфаны с нами – жив народ!..»

А в последнем разделе книги поэт улыбается, а местами и подсмеивается над своими современниками. Таким образом он продолжает традиции, особенности восприятия и изображения мира своего односельчанина, наставника Гамиля Афзала. Хотя он, в отличие от своего учителя, не острословный сатирик, способный создавать типические отрицательные образы своего времени. Его юмор, на первый взгляд, состоит из мелких бытовых деталей, а на самом деле рождён в результате тонкого наблюдения за течением жизни, и суть его комизма состоит в тонком подшучивании со значительными выводами. («Китти

или Кетти», «Девушка в красном», «С лёгким паром...», «Морщины») и т.д.

А вдруг сырое яйцо Окажется спасеньем? – Ведь что-то всё-таки должно Исправить положение...

...Я целый день рецепт искал, Потратил сил немало... Но в щёчку чмокнула жена – Морщин как не бывало.

В основе юмора Л. Шаеха лежат наблюдательность и способность поэта находить в незначительном событии поучительный вывод: «Стихотворение про кота, который спит днём», «Может, костюм надеть?», «Претензий не имею...». А в стихотворениях «Сервантный зять», «Монолог Гарифуллы» его лёгкий юмор переходит в сатиру. В одной из них поэт делает общий и категорический вывод через призму «отношений» кошки и мышки:

...Связаны петля в петлю: Ты – любима, я – люблю. Подружись со мною – или Этот узел разрублю.

Может, пока еще рано говорить о самобытных способах изображения отрицательных явлений. Но иметь чувство юмора, уметь смеяться над собой и другими – само по себе счастье.

Я сознательно оставил напоследок разговор о первом и основном разделе книги. Конечно, это разговор о любви, о первых её радостях и разочарованиях. Если окинуть взглядом историю и сегодняшнюю реальность, то мы увидим, что в основе поэзии всегда была и есть любовь. Это чувство, коснувшись любого человека, выводит его на орбиту Вселенной, заставляет общаться его с солнцем, луной, звёздами, а также с птицами, природой. К примеру, учёные давно ломают голову над тем, как человеку подняться на Луну, а влюблённый-меджун уже во времена язычества «пересадили» на Луну свою притеснённую возлюбленную Зухру вместе с вёдрами и коромыслом. И теперь вечно молодая и печальная красавица, наблюдаемая за нами сквозь слёзы, «даёт» оценку нашим поступкам. Стихотворение Л. Шаеха «Носила воду девушка» напоминает нам легенду, созданную в период мифологического мышления. Произведение, как результат тонких наблюдений, богато на детали. Мы с удовольствием воспринимаем сравнение шагов девушки, возвращающейся с родника, с каплями воды; становимся свидетелями того, как на её губах появляется роса (значит, это утро) – чего нет, к сожалению, в русском переводе! Поэт восхищается красотой девушки и с помощью психологических приёмов пытается передать нам её внутреннее состояние:

Су ташый кыз Ак чишмәдән, Иренендә чык суы... Юлына сөйгәнә чыкса, Кузгалыр жан ярсусы...

Последнюю строку каждый понимает по-своему, исходя из своего опыта: от счастья или от горя, от боли разлуки с любимым. В этой статье я не хотел бы останавливаться на качестве переводов, но хочется отметить, что его переводчики Г. Булатова и А. Каримова в основном смогли донести до русскоязычного читателя мысли, переживания, кручину поэта Ленара Шаеха.

Несмотря на то, что поэтический горизонт Л. Шаеха достаточно высок и широк, он в основном лирический поэт. Применяемые в народном творчестве обожествлённые символы солнца, луны, звёзд, а также природы составляют основу его системы образов и поэтического мышления.

Я чернилами писал – лунными лучами – И готов был так писать годы напролёт, Только месяц молодой

вдруг пропал-умчался, Оказалось, шаг один – и рассвет придёт.

Раскрытие внутреннего мира любимой, восхищение её красотой находит продолжение в стихотворениях «Ты сама...», «Дочь зари», «Весенняя песня», «В твоих глазах захлест закат...» и др.

После М. Аглямова и Зульфата, кажется, еще не было поэтов, способных самому себе дать трезвую оценку, а если надо, то способных и «бичевать» себя. А вот Л. Шаех, до сих пор считающийся молодым поэтом,

не стесняется себя «принизить»: то он «влюблённый безумец» («Не отдам»), то «катыющаяся капля дождя по листку» («Катыщейся каплей...»).

Если стихи о любви одиноким или слишком приторны, а применение образов луны, солнца, звёзд, соловья, яблока... слишком часты, то это может разочаровать читателя. В этом случае нужно обратить внимание на внешнюю «одежду» стихов, на жанровую особенность. Сочиняя стихи о «жертвах» любви – влюблённых, Хайям отдавал предпочтение жанру рубаи и газели, а Шекспир – сонетам. Значит, исходя из ментальности народа, поэзия требует свою «модель». Л. Шаех во избежание повторения пытается менять количество слогов, размер стиха, объём, рифму. Например, особого внимания заслуживает стихотворение «Одно тёплое слово...». В нём каждая строфа начинается с выражения «Тёплого слова просит душа...», которое выполняет роль анафоры. А каждая строка этого стихотворения, напоминающего лестницу, состоит из четырёх слогов и подчиняется раскрытию значения первой строки. Какое же тёплое слово ждёт меджун? Конечно, то самое, которое способно вызвать бурю в его душе. Слова в конце стихотворения «Тёплого слова просит душа...» производят впечатление надежды на продолжение... Всё проявляется в «Открытом письме девушке из деревни Именьково от парня из деревни Такталачук», где заметно даже психологическое продолжение:

Долго корни я искал: Ты – Дубок, а я – Доска...

Стихотворение Л. Шаеха «Одно тёплое слово...», а также разнородность жанров его современников заставляет задуматься. Кажется, проходит тотальное увлечение татарской поэзии пришедшими к нам с Востока жанрами рубаи и газели. Но сохраняется традиция использования пословиц и поговорок, тяга к раскрытию мысли в нескольких строках. В данной книге Л. Шаеха множество тому примеров. Среди них есть парчи, достойные размещению рядом с короткими стихами Р. Файзуллина, принесшими поэту известность.

Душа – есть бабочка, А бабочка – душа. Гостит в цветке, пока погода хороша...

Эти мои наблюдения заставляют задуматься о богатстве жанров в творчестве молодого поколения. Заслуживает внимания цикл стихов Л. Шаеха «Из «Германской тетради», собранных в одно «гнездо». Но всё же молодёжь, в том числе и Л. Шаех (хотя у него есть несколько поэм, но они не вошли в данный сборник), обходят стороной жанр поэмы (в этом направлении есть успехи у Р. Мухамметшина). А ведь Х. Туфан (20-е годы), Ф. Карим, С. Хаким, И. Юзеев, Р. Харис получили признание благодаря именно крупным лиро-эпическим произведениям. Русский поэт А. Блок писал: «...Поэма – бригадная станция, где поезда останавливаются редко, но надолго...» Действительно, стиль поэта, его умение правильно отражать реальность, полное раскрытие образов и характера личности удаётся показать в жанре поэмы. Думаю, не должны исчезнуть начатые С. Батталом и продолженные Р. Харисом традиции романа в стихах.

В заключении хочется отметить заметный рост поэтического мастерства Ленара Шаеха, его умение проникнуть во внутренний мир героя, образное мышление и изящество. Чувствуется привязанность его поэзии к своему времени, к будущему своего народа сквозь тысячи одушевлённых нитей! Образ времени в стихах Ленара Шаеха находит весомое художественное воплощение через познание мира в думах и заботах о своей Отчизне.

2016, сентябрь

Ильтани ИЛЯЛОВА, театровед Татарский театр в Москве

Сара Садыкова и Газиз Айдарский

В Москве издавна было значительное число татарского населения. После революции и гражданской войны, в начале 1920-х годов у части татарской интеллигенции Москвы возникла идея о необходимости создания Татарского театра. Тем более, в столице в эти годы существовали разные национальные коллективы - еврейский, латышский, украинский, армянский.

И вот в 1924 году на базе самодеятельного сценического кружка при клубе «Коммунальник» под руководством Газиза Айдарского создается «Рабочий театр» («Эшче»). Со спектаклем «Швея Гайша» и концертной программой начинает обслуживать рабочее население Москвы и Подмоськовья - Подольск, Мытищи, Орехово-Зуево, едет на Донбасс, Кузбасс и далее промышленные новостройки - Магнитогорск, Кузнецстрой, Челябинск.

В труппе было всего пять человек - сам Газиз Айдарский, студент ЦЕТЕТИСа (будущий ГИТИС) Макарым Магдеев, Галлям Саттаров, юные ученицы Московской консерватории Сара Садыкова, Асия Измайлова.

Осенью 1926 года по решению Московского отдела просвещения «Рабочий театр» преобразовывается в «Московскую татарскую драматическую труппу». В связи с этим увеличивается состав труппы. В него вливаются студенты художественных вузов и училищ, молодые актеры со специальным образованием и сценическим опытом: Галия Булатова, Гульсум Камская, Хусаин Уразиков, Галима Ибрагимова, Рафгат Файзи, Мухтар Мутин, Тази Гиззат, Сабир Омутбаев, Газиз Гиматов, Газиз Зиятдинов, Ибрагим Гафуров и другие; студенты консерватории Марьям Рахманкулова, Фахри Насретдинов, Адгам Кайбиц-

кий, Хасан Катеев; будущие режиссеры - студенты театра Вахтангова - Гумер Девышев, Саид Булатов, Гали Ильясов, несколько позже Габдулла Юсупов.

Пройдет всего полтора года, когда с 1 января 1928 года декретом Наркомата просвещения РСФСР Московская труппа начнет называться «Московский центральный татарский рабочий театр». Это уже полноценный творческий организм. Он ставит татарскую драматургию будущим классикам национальной литературы: «Голубая шаль», «Родина», «На Кандре» К.Тинчурина, «Беглецы», «Культурник Шангарай» Н.Исанбета, «В вороньем гнезде», «Огонь» Ш.Камала, «Директор Жамилев», «Свояченица» А.Кутуя, «Наемщик» Т.Гиззата «Бездна», «Волны подо льдом», Т.Рахманкулова, «Тетя Хатира» Ф.Бурнаша, известная татарская мелодрама «Галиябану» М.Файзи, музыку к этим спектаклям писали выдающиеся композиторы Салих Сайдашев, Мансур Музаффаров, Александр Ключарев, Нажиб Жиганов. Спектакли оформлял Петр Троицкий.

Весьма значительной работой начала 1929 года считалась постановка комедии Салиха Баталла «Организатор». Нельзя сказать, что пьеса обладала высоким художественным достоинством. Но она стала первым произведением на рабочую тему. Здесь впервые был создан образ рабочего. Спектакль, поставленный Газизом Айдарским, пользовался большим успехом как в рабочей среде Москвы и Подмоськовья, так и у шахтеров Донбасса, зрителя Урала.

Татарский театр, работавший в Москве в середине 1920-х и до 1933 года формировался испытывая на себе влияние разных творческих направлений: реализм МХАТа, формалистические поиски театра Всеволода Мейерхольда, Пролеткульта. Казалось бы, театр креп, становился «на ноги», утвердился серьезный репертуар, образовалась стабильная молодая труппа, он нашел своего зрителя, у которого пользовался успехом.

Но творческие методы, особенно интерес к режиссуре Мейерхольда, не вписывались в ужесточившуюся идеологическую борьбу начала 1930-х годов. Поэтому, в июне 1933 года Московский татарский театр был ликвидирован.

Разными впоследствии оказались пути этих

режиссеров, актеров, драматургов. Большинство актеров этой труппы уезжает в Казань, где они закладывают основы театра им. Карима Тинчурина. Только у Газиза Айдарского здоровье к тому времени уже сильно пошатнулось, он прикован к постели. Он пишет в Казань жене Саре Садыковой письмо с просьбой приехать к нему. Она едет, но дни Айдарского уже сочтены, в 1933 году талантливый режиссер умирает от болезни легких.

Трагическая судьба оказалась и у Макарыма Магдеева, не менее талантливого режиссера татарского и чуть позже башкирского театров. Он попал в кровавую мясорубку 1930-х годов и был расстрелян. Погибли незаконно репрессированные Мухтар Мутин, Карим Тинчурин, Фатхи Бурнаш, Ахмет Рахманкулов. Чудом выжили пережившие ад ГУЛАГа Гумер Девышев, Гали Ильясов.

Актеры, не попавшие в жернова 1930-х годов, оказались в разных театрах. Но их творческая жизнь была счастливой. Галия Булатова, Гульсум Камская, Галима Ибрагимова, Хусаин Уразиков, Ибрагим Гафуров, Газиз Зиятдинов стали народными артистами, любимцами народа и проработали всю оставшуюся жизнь в Татарском академическом театре им. Г.Камала. Газиз Гиматов, Бибинур Галиуллина, чуть позже Асхат Мазитов стояли у основания современного театра им. К.Тинчурина. Сабир Омутбаев стал одним из организаторов и первым главным режиссером Мензелинского театра, который сегодня носит его имя.

Рафгат Файзи стал одним из ведущих актеров Башкирского академического театра. Тази Гиззат работал актером Камаловской сцены, заявив о себе, как о талантливым драматурге, пьесы которого не сходили со сцены татарских и башкирских коллективов.

Выпускники московской консерватории Марьям Рахманкулова, Фахри Насретдинов составили славу Татарского оперного театра, Сара Садыкова стала знаменитой эстрадной певческой актрисой и замечательным создателем любимых татарским народом лирических, мелодичных песен.

То есть, работа молодых актеров, режиссеров в Москве не пропала даром. Творческая подпитка, полученная ими в столице страны, оказала большое влияние на дальнейший созидательный рост и дальнейшее развитие их актерского, режиссерского мастерства.

Думается, что если бы этот театр не был ликвидирован, то он, судя по именам, со временем стал бы крепким талантливым коллективом, составившим конкуренцию легендарному Камаловскому театру.

Семейная хроника Ширинских

«История всегда интересна тем, кто достоин иметь Отечество»
Н.М.Карамзин.

В библиотеке Татарского культурного центра г. Москвы прошла встреча с известным историком и радиоведущим Маратом Сафаровым, на которой он рассказал об одном из самых древнейших татарских родов - Ширинских.

Это интереснейшее мероприятие было организовано Меджлисом татарских мурз Москвы и Московской области и лично

Альбертом Дашкиным. Большую помощь в проведении встречи оказала заведующая библиотекой Зульфия Хабибуллаева.

Фамилия Ширинских оставила заметный след не только в татарской, но и русской истории. Первое упоминание о Ширинских встречается в исторических хрониках в 1298 году. Ширины занимали ведущие позиции в управлении Крымского, Казанского, Астраханского ханств, а позднее Касимовского царства. Они были крупными землевладельцами в Крыму и даже соперничали с правителями Крыма Гиреями. В историографии широко известны имена Булата Ширина и его сына

Нурали Ширина, оказавших существенное влияние на политические процессы в Казанском ханстве.

Вместе с историей страны менялась и судьба Ширинских. Марат Сафаров показал этот процесс, опираясь на факты семейной хроники. Могущественные правители, крупные землевладельцы после указа Петра-1 (1713 г. о крещении), разделились на две ветви: православных и мусульман. Среди православных, сохранивших все титулы и богатства, встречаются сановники, влияющие на государственные дела, в частности, тверской генерал-губернатор князь Андрей Александрович Ширинский-Шихматов.

Мусульманская ветвь, несмотря на потерю статуса и имущества, не опустила руки и подалась в купечество, достигнув при этом больших успехов. Многие из Ширинских, разбогатев, занимались благотворительностью. Например, Хусаин Яфарович Ширинский - меховщик, землевладелец и меценат, известный и среди московских татар начала XX века, содержал новометодную школу в деревне Богданово близ Кадома. Многие выпускники этой школы, перебравшись в Узбекистан, в первой трети XX века заложили там основы советского образования.

После революции и НЭПа уцелевшие в первой волне репрессий Ширинские пошли работать на советские предприятия. Прадед Марата Сафарова, бывший купец Нури Ширинский работал на Ростокинском меховом комбинате. Там же работал отец будущего известного татарского прозаика Абдурахмана Абсалямова Сафа Абсалямов. По доносу практически вся «татарская группа» меховщиков, работавших на комбинате до 1937 года, была арестована и погибла в лагерях ГУЛАГа. Но остались их дети, внуки и память о них. Они сумели выжить в трудные годы, смогли получить образование и стать профессионалами.

Своими теплыми воспоминаниями о Ширинских поделилась друг семьи Алия Гаязова. Интересную информацию о Касимовском ханстве сообщил автор многих книг по истории, профессор Александр Черемин.

И завершил этот прекрасный вечер Надир Ширинский. Его имя хорошо известно истинным ценителям романа. Надир не только исполнитель, но и исследователь, коллекционер, лауреат многих музыкальных фестивалей и конкурсов.

Собравшиеся поблагодарили Марата Сафарова и организаторов встречи, выразили надежду, что подобные мероприятия, посвященные старинным татарским родам города Москвы, будут проводиться и в дальнейшем.

Алия ГАЛИМОВА

Группа артистов Татарского московского театра, 1933 г.

Азат Ахунов, доцент института международных отношений, истории и востоковедения КФУ

Хусаин Фаизханов

Смерть на тридцать восьмом году жизни... В самом расцвете жизни и творчества, когда подрастают три любимые дочери, когда уже кое-что сделано в науке, а сколько еще предстоит?.. Ученый,

религиозный деятель, человек, которого признают патриархи отечественного востоковедения, совета которого просит сам великий Марджани – его учитель и духовный наставник.

Хусаин Фаизханов родился в 1823 году в деревне Сабачай (Сафаджай) Курмышского уезда Симбирской губернии (ныне село Красная Горка Пильнинского района Нижегородской области). Благодаря изысканиям татарского ученого-богослова Шигабутдина Марджани, которому удалось восстановить шеджере рода Фаизхановых, мы имеем представление о его предках. На сегодня известна следующая цепочка: отец – государственный крестьянин Фаизхан, дед Файзулла, прадед Биккина, далее Исмагил и Тангрибирди ал-Джабали ас-Сабачаи ал-ханафи. Позднейшие изыскания ученых позволили документально подтвердить правильность родословной.

Способный Хусаин перебрал много старометодных сельских медресе, в большинстве которых его не устраивала схоластика. Таким образом, он оказывается в медресе Шигабутдина Марджани.

Это был 1850-й год. Марджани после одиннадцати лет скитаний на чужбине, куда он отправился за поиском знаний, наконец-то вернулся в Казань. Слава о нем шла впереди каравана, который вез его на родину. В Казани он получил должность имама и мударриса, а это значило, что его знания, его ученость признали не только местные мусульмане, но и татарские купцы-баи, без финансовой поддержки которых ни медресе, ни мечеть не смогли бы существовать и функционировать. В тот год Шигабутдин Марджани взял себе семьдесят шакирдов, среди них был и Хусаин. С этого дня началось их сотрудничество: сначала как учителя и ученика, а позже как двух равноправных ученых, двух знатоков и ценителей древних манускриптов, которые с полуслова понимали друг друга.

Марджани щедро делился своими знаниями, но со временем Хусаин понял, что для полноты знаний ему надо обратиться и к европейской науке. В Казани он контактировал с некоторыми казанскими востоковедами, в особенности с А.К.Казем-Беком, И.Н.Березиным, с которыми, видимо, познакомился с подачи своего учителя. Целеустремленный, ненасытный к знаниям Фаизханов нуджался в повышении образования, но после долгих размышлений выбрал не традиционную Бухару, а Санкт-Петербург – центр другого мира, иной цивилизации. Марджани, который не хотел отпускать своего ученика и всячески его отговаривал, позднее согласился, надеясь, что его любимый шакирд станет своего рода мостом между ним и европейской наукой, к которой он также стремился.

Важным фактором отъезда Фаизханова в Петербург стал перевод в 1854-55 годах Восточного разряда из Казанского университета в Петербург. Все основные востоковедческие силы также переехали в столицу. Первым деканом нового факультета стал А.К.Казем-Бек, который и пригласил Фаизханова к себе на работу.

Дата переезда Фаизханова в Петербург точно неизвестна, но то, что во второй половине 1854 года он уже находился в столице, подтверждается документально. На новое место жительства он перебрался с коллекцией рукописей, которые ему пришлось продавать на первых порах по причине тяжелого материального положения.

В начале 1855 года он женился на Бибифатиме Бикеевой - дочери Яхьи Саксютובה Бикеева из деревни Мунтовской Касимовского уезда Рязанской губернии. В личной жизни он был счастлив, жена разделила с ним горести и радости их недолгой супружеской жизни, была добродетельной женой и матерью их детей.

Что же касается работы, то здесь было не все так гладко. Фаизханов жил частными уроками, а с устройством в университет все обстоит гораздо сложнее. 1855 год выдался тяжелым, поскольку помимо бумажно-словесной волокиты, а попросту бюрократизма, играли вопросы социального и национального характера. Фаизханов готов был поступить на восточный факультет в качестве лектора без жалования только для того, чтобы служба при университете считалась действительной. Ему было предложено стать преподавателем практических уроков, но не в качестве лектора, а в качестве учителя восточной каллиграфии. Жалованья при этом не было предусмотрено, то есть ученый должен был работать бесплатно. Но даже на такой выгодный для бюджета вариант министр ответил отказом.

Негативное отношение министра к кандидатуре Фаизханова нельзя объяснить ничем иным, как в целом отрицательным отношением к инородцам, и как справедливо отмечает в своей книге «Заветная мечта Хусаина Фаизханова» историк Миркасый Усманов «проявлением своеобразного духовного крепостничества».

Чтобы прокормить семью он работал, не покладая сил, и со временем стал штатным преподавателем ведущего на то время университета, центра российской ориенталистики.

Осенью 1858 года в связи с отъездом преподавателя арабского языка на родину, его часы было решено передать Хусаину Фаизханову. Руководству факультета было, разумеется, неловко нагружать Фаизханова, работающего без жалования, и были приняты некоторые меры. В частности, известно, что за «неутомимое усердие» министерством в 1860 году было выделено триста рублей серебром. Подобная «щедрость» министерства не устроило руководство факультета и оно обратилось в Совет университета с просьбой присвоить Фаизханову хотя бы звание почетного гражданина, поскольку факультет по неимению средств не может просить о назначении ему жалования. И, наконец, весной 1861 года было получено добро на то, чтобы Фаизханову ежегодно выплачивать 400 рублей серебром. Вот так не просто складывалась карьера ученого.

Вскоре после кончины преподавателя каллиграфии Ибнямина Аминова факультет потребовал предоставить освободившуюся должность Хусаину Фаизханову. И, наконец, с апреля 1861 года он приступил к занятиям на должности учителя каллиграфии с оплатой 400 рублей серебром в год. Так, при поддержке студентов и преподавателей человек, официально не имеющий высшего светского образования, благодаря своим личным качествам, таланту и знаниям, упорству и терпению, не изменив своей вере, добился официального признания, стал лектором императорского Петербургского университета.

Фаизханов как только переехал в столицу стал активно сотрудничать с ориенталистами Академии наук. Он сближается с Б.А.Дорном, В.В. Вельяминовым-Зерновым, М.И. Броссе, А.А. Куником и др. В 1858-59 годы он становится своего рода уполномоченным Академии наук, о чем мы узнаем из его переписки с Марджани. В 1858 году Фаизханов направляется в Москву в архив Министерства иностранных дел, чтобы списать тексты средневековых тюркоязычных дипломатических документов. Он выявлял, атрибутировал и другие татарские документы и по другим делам, делал замечания, вносил исправления в описи документов. Он изучал и русские грамоты. То, что он привез из Москвы, было решено в 1864 году издать отдельной книгой «Материалы для истории Крымского ханства, извлеченные по распоряжению императорской Академии наук из Московского главного архива Министерства иностранных дел». По результатам этой работы Академия наук ходатайствует об избрании Фаизханова членом Общества археологии, действительным членом которого он становится спустя два года.

Да, работа была проделана немалая, но впереди Фаизханова ждали настоящие открытия. Задача стояла нелегкая – найти «ключ» к правильному чтению текстов болгарских эпиграфических памятников. Для этого следовало продолжать расти в плане исследовательского опыта, и в плане поисковой работы в сфере далекого прошлого своего народа. В 1858 году Фаизханов совершает научные командировки в Касимов и Оренбургский край, результатом чего стала статья «Три подробные болгарские надписи» и одноименный доклад, с которым он выступил перед учеными Общества археологии. Изучение болгаро-татарской эпиграфики в середине XIX века находилось в тупике. И вот теперь с выходом в 1863 году в «Известиях Русского археологического общества» вышеупомянутой статьи Фаизханова начался новый этап в изучении болгарской эпиграфики. Это открытие было признано такими маститыми учеными, как В.В.Григорьев, Н.И.Веселовский, Н.И.Ашмарин и др.

Каковы же составляющие части этого открытия? На первый взгляд, все очень просто: графический анализ текста, использование материалов «соседних» (чувашского) языков, плюс метод, который выработал сам Фаизханов. И все это помножено на упорство, безграничное трудолюбие, и, конечно, знание языков: чагатайского, казахского, киргизского, чувашского, марийского, турецкого, арабского, персидского, русского.

Фаизханов первым обнаружил языковое сходство между позднейшими чувашами и булгарами-мусульманами (оставившими комплекс эпитафий). Носителями языка этих эпитафий были тюркизированные финны, входившие, по его предположению, в состав населения Волжской Булгарии, куда входили и предки современных татар, занимавшие в нем политически господствующее положение. Таким образом, он признавал генетическое родство чувашей и татар.

По представлению Фаизханова, мусульманское население Булгарского государства сложилось в результате слияния местных финно-угорских народностей и пришедших с юга тюрков-кыпчаков. Он относил эту теорию и к казанским татарам, и к мишарам. Говоря научным языком, он одним из первых отметил этническую неоднородность различных групп татар Среднего Поволжья, что нашло подтверждение в ходе дальнейших антропологических исследований.

Он был противником официальной концепции русской историографии о татаро-монгольском происхождении современных казанских татар. Избегая этнонима татары, Хусаин Фаизханов называл их на среднеазиатский лад «ногаями», а их язык – тюркским.

На протяжении всей своей жизни он вел переписку со своим наставником Шигабутдином Марджани. Он ставил его на голову выше многих современных мусульманских ученых, делился с ним своими соображениями и находками, просил совета. В 1862 году он издает свою «Краткую учебную грамматику татарского языка», которая была положительно оценена тюркологами. В ней, помимо татарской разговорной речи, он разместил и образцы тюркоязычной письменной культуры (отрывки из «Калила и Димна» и др.).

Серьезное отношение Фаизханова к учебному процессу нашло отражение в его записках и замечаниях по учебной программе. Постоянная работа над собой, уровень интеллекта и научной компетентности – все это вызывало уважительное отношение со стороны коллег по факультету. Он участвовал при защите магистерских диссертаций, работал над словарем казахского языка. Говоря одним словом, жил насыщенной творческой и научной жизнью.

Но годы невероятно упорного труда, материальных лишений не прошли бесследно, Фаизханов заболел чахоткой, которая обострялась год от года. А, как известно, по тем временам единственным средством, облегчающим эту болезнь, был кумыс. Именно этим объясняются его поездки в киргизские степи, уже вторично он выполнял поручения по исследованию киргизского наречия и фольклора, археологии, этнографии (поездки эти продолжались ежегодно с 1861 по 1866 годы). Необходимо отметить, что его поездки на лечение состоялись благодаря коллегам-востоковедам, которые выбивали средства для Фаизханова, надеясь, что спасительный кумыс продлит его жизнь. Особую роль в этом играл А.Казем-Бек, «ангел-хранитель», взявший после кончины Фаизханова расходы на обучение его дочерей.

На формирование его мировоззрения значительное влияние оказал и татарский богослов и реформатор Габденнасыр Курсави, который после бегства из Бухары занимался преподаванием, написанием трактатов, толкований Корана. Ученого волновала проблема реформирования в системе образования татар.

Еще одной мечтой Фаизханова была татарская газета. Она должна была называться «Чулпан» - детище частной инициативы Пашино-Фаизханова (к сожалению, инициатива носила конспективный характер, не была доведена до конца). В тех условиях даже мечтать о татарском периодическом органе не имело смысла. Но, как известно, все большие дела начинаются с малого – первые зерна, заложенные Фаизхановым, позже возвращенные Каюмом Насыри и другими татарскими просветителями, дали свои богатые плоды лишь спустя несколько десятилетий. Но что это было произошло, кто-то должен был бросить их в землю. И этим человеком был Хусаин Фаизханов.

Напряженный, упорный, непосильный труд, сырой климат северной столицы окончательно подорвали его здоровье, что привело весной 1865 года к обострению болезни. И в конце мая Фаизханов, не рискуя на дальнюю поездку в киргизские степи, едет в Уфимскую губернию. Отступившая болезнь зимой усиливается вновь, весной 1866 года ему становится совсем худо. Резкое неприятие его проекта газеты, сопротивление самих татар против идеи реформирования школьного образования - все это еще более усугубляют его состояние. Как он сам в марте 1866 года писал Марджани «Оказывается, неуверенность и сомнения, общая духовная подавленность сильнее любой болезни. Если бы не было усердия и утешения супруги моей, то думы извели бы меня полностью». Его не стало 28 августа 1866 года, похоронили ученого в родном ауле.

В некрологе было сказано, что «... вся трудная и скучная жизнь покойного труженика была посвящена научным занятиям и то, что им было сделано, составляет важную заслугу».

Таков жизненный путь Хусаина Фаизханова – ориенталиста, педагога, историка, просветителя. Человека, прожившего нестандартную для своего времени жизнь, пытавшегося изменить эту жизнь к лучшему, думающему не только о дне сегодняшнем, но и о будущем. Не все удалось ему сделать, но тот факт, что уже в наши дни, спустя через 150 лет со дня кончины ученого, мы помним и говорим о нем, значит многое. Память о нем жива, его наследие изучается, труды издаются, его идеи воплощаются в жизнь. И это важно и ценно.

Габдель МАХМУТ

ПОПУТЧИКИ

(продолжение, начало в №10)

Я настолько приободрился, что решил без оглядки постучаться в первый же дом. Взобрался на крыльцо, протянул руку к дверной ручке. И тут же отдернул, как током пронзенный. Сердце резануло женский плач. Услышал пьяный голос, тупой мат. Я покинул это жилище. Баба Фекла, когда я нечаянно попадаю к обеду, часто привлекает меня с поговоркой, что хороший гость к столу, а плохой к брани.

Постучался в дверь следующего дома. Изнутри крикнули: «Открыто!»

Толкаю дверь. Вхожу. Осматриваюсь. На опрокинутый табурет верхом уселся дядка и латает пим. Посмотрел на меня, снова склонился к валенку, проткнул шилом.

- Рассказывай, - говорит.

У нас дома часто останавливаются на ночлег проезжающие. Чужого в деревне за версту видеть. Поэтому первым делом в таких случаях у нас приглашают сестру, а уж потом он сам рассказывает. Я был оглоушен таким холодным обращением к ночному путнику, поэтому оробел:

- Отстал от трактора, замерз. Переночевать не пустите?

- Так-так. А куды путь держим?

- Домой...

- Ясное дело домой, не ко мне же водку пить...

- В Митькино мне, - отвечаю как в гипнозе, по инерции.

- А-а, в Митькино, значит?.. Так ты татарчонок, что ли? - Он полуобернулся ко мне, подбоченился, как бы примериваясь, прищурил глаз. - А я ведь, парень, не пускаю ночевать.

Я стал пятиться к выходу, но остановился по его жесту.

- Да, не пускаю, хоть и прятать у меня нечего, не князь я. Зуб у меня имеется. Ну, принцип, скажем, против твоих соплеменников.

Теперь он говорил, будто давно готовил речь. Отложив пим в сторону. И, сердито тыча воздух шилом, продолжал:

- Ты послушай, послушай, почему я не привечаю-то. Как-то я работал в ваших краях. С передвижкой ездил, кино вам казывает - культуру крутил. А на сабантуе на нашем меня ваш брат татарва так испинали, что до сих пор пылью харкаю... Обижайся - не обижайся, мне это до лампочки, не колышет. Ты лично, конечно, не причем, но того же теста. Такой вот у меня зуб...

Он, может быть, еще мог бы излить душу, но я был сегодня не в силах слушать тираду безропотно, чья бы она ни была. Хлопнул дверью со всей пацаньей злостью.

Новый ком горечи подкатил к горлу. Так и вышло: не повезло с первого раза, на второй облили чужими помоями. Какой раз за вечер взмокли глаза. Почему сейчас, когда мне и так несладко? Почему на мне отыгрались, в чем моя вина? Кто-то когда-то дрался, а отыгрались на мне, отчего такая несправедливость? Особенно больно, когда обиды идут от старших, ведь им дерзить не учили нас. А я даже огрызаться не позволял себе, так был воспитан родителями.

С тяжелыми думами, одинокий и побитый, приткнулся головой к забору чьего-то огорода... Слезы запросились на глаза. - Это что за концерт тут бесplatный?! - услышал я вдруг голос над головой, - Ну-ка, обернись, кто тут? Да никак, приезжий?

Я умолк, упрямо не желая с кем-либо разговаривать, кого бы

то ни было видеть. Но мужская сильная рука тронула за плечо и мягко повернула к себе.

- Слушай, друг, нехорошо ведь. С тобой разговаривают, а ты задом. Что случилось, кто обидел, к кому приехал?..

Я молчал, глотая слезы, от расспросов наплывающие снова.

- Ну вот что, друг мой, раз так, пойдешь со мной. И не противься, на упрямыи воду возять...

Он увлек меня чуть ли не в другой конец деревни. Мы взобрались на голое крыльцо большой пятистенки, пахнувшей свежими бревнами.

Очнулся я от голосов.

Чуть правее от двери в другую комнату шел детский гомон. Приведший меня дядя приложил палец к губам, мы молча разделились и тихо прошли во вторую половину. Подкрался к сгрудившимся над зыбкой обитателями дома. Женщина, по всему видать, мать и хозяйка, гуляла с маленьким, лежащим в качалке. Рядом с ней стояли два мальчика, младший был с меня ростом. Занятые одним маленьким, но главным сегодня в семье существом, некоторое время они не замечали нас.

Мальчик моих лет говорил:

- Не-эт, надо дать необычное, героическое имя. Например, Спартак! А?

- Или Ганнибал... - осторожно добавил мой спутник тоном, будто давно спорил с ними.

Мальчик хотел было что-то возразить, но вдруг осекся, поднял голову:

- Ага! Шпионы здесь!

Хозяйка схватила за сердце. Откуда-то сзади налетела маленькая девочка, годика четыре, запрыгала на месте, прихлопывая в ладоши:

- Дядя Валя плисол! Это мой дядя Валя плисол!

Мать оторвала руки от груди, укорила:

- Вечно ты с фокусами, Валентин. Эдак меня до обморока доведешь, ей-богу!

- Брат сказал, что новорожденного хочет обмыть, вот я привез его заказ, а по дороге гостя нашел. Мальчик в такую темень сквозь лес один прошел, столько натерпелся, а молодцом. Знакомьтесь, дети. Скоро хозяйин-то будет?

Пока старшие разговаривали о делах, меня обступили дети. Не зная, как себя повести, я растерялся от всеобщего ко мне внимания. Не находил места рукам. Вдруг выручила девочка.

- Давай знакомиться, - смело предложила она, дернув меня за пиджак. - Меня зовут Шулочка, а это Витя, мой брат, ему десять лет, это Коля, он учится в седьмом классе, тоже брат. А тебя как зовут? - заключила, протараторив.

- Ким, - смущенно представился я в свою очередь.

- Это по-какому? - полюбопытствовал мой ровесник, которого Шура представила Витей.

- Клим, наверное, Климент? - поправил старший брат.

- Нет, Ким, - ответил я.

Шулочка, ничего не понимая, поочередно переводила взгляд то на меня, то на братьев своих. Но встала:

- Нет, Ким сказал он, правда, Ким?

- Имя как имя, хорошее, - вставил дядя Валентин. - Такие имена давали в честь международной молодежной организации. А прощай будет - борец за дружбу. Самое человеческое, подходящее времени имя...

- Вот как, - подумал я, - сам не знаю, что за имя ношу.

- Ага, есть идея! - воскликнул

вдруг Витя, - Слушайте, а почему бы нам не назвать нашего братика Кимом?! А что, мужественное и нечастое имя.

- Да-вай, да-вай! - запрыгала, завертелась Сашенька. В это время отворилась и хлопнула наружная дверь.

- Папка плисол, мой папочка, - захлопала в ладоши Шура и помчалась встречать. А зашли в комнату вдвоем, она уже на руках отца, мужчины невысокого, крепкого на вид. Запахло солярой.

- А у нас гость, - успела тут же сообщить дочка отцу. Затем чмокнула в щеку и объявила: - Мы будем звать его Климом.

- Кого, доча? - переспросил отец. Опустил ее на пол и подошел к зыбке, залюбовался.

- Нашего блатика, - не моргнув, повторила она. - Клим будем звать.

- И кто так решил без папы? - он протянул ко мне руку, крепко пожал, поинтересовался: - Это ты у нас будешь Климом?

- Ким, - поправил я.

- А я буду дядя Костя, - и крикнул назад, в сторону кухни, где хлопотала хозяйка. - Ну как, мать, находишь?

- Чего уж гадать-то, сам ведь поручал детям.

- И я думаю: имя красивое, интернациональное. А гость, видать, парень неплохой. А у сибиряков кое-где есть такой обычай, - он заговорил, обращаясь ко мне, - когда ребенку дают имя первого встречного гостя, считается, что новорожденного в первые дни бояться слуги дьявола, а навещающие добрые люди, порядочные. Как сам-то, ты хороший мальчик, а? - и рассмеялся.

Я пожал плечами. Потом все дружно ужинали. И нас было много за общим столом.

Оставшись одни, взрослые налили в стаканы. И пили за здоровье малыша, за мать.

Краем уха я уловил, как дядя Валентин говорил о засевшей машине, и что тракторист отказался ехать вытаскивать. Понял я, что это тот самый мужик, обидевший меня.

Сашенька баюкала малыша. Коля раскрыл «Приключения Гекльберри Финна». А мы с Витей испытывали его самодельный трактор на резиновом ходу. Витя объяснял мне, что дядя Валентин был водителем той самой, встреченной мной «захарки». По всей видимости, строил версию, он нырнул в сугроб от кого-то встречного. А кабину оставил открытой, чтобы подумали, что шофер недалече, и не лазили без спросу.

Через некоторое время мужчины подозвали меня, и хозяйин попросил повторить рассказ о моих приключениях.

Выслушав меня, дядя Костя стукнул по столу кулаком так, что перевернулись стаканы, порожняя бутылка скатилась на пол. Я вздрогнул от неожиданности. Испуганно тараща глаза, с куклой в руках выбежала Саша. Заревел малыш в люльке. Дядя Константин матюкнулся, чуть ли не рывкнул со злостью:

- Мразь поганая! Видали героя? Выдворил зимней ночью путника! Ну и скотина! Одеваемся, идем к нему!

На вмешательство жены не реагируя, отрезал: «Не вмешиваться!» Скомандовал собираться и мне с ними. На протест брата рывкнул:

- Перед кем должны извиняться? Перед тобой или перед оскорбленным? Идем, Ким, так надо.

Мы пошли туда, откуда я был

выдворен. По правде сказать, я не желал с ним новой встречи. Но перечить взрослым не научен.

Дверь дядя Костя открыл с ходу пинком. Хозяин дома сидел за столом с сигаркой в зубах, читал районную газету. Увидя бесцеремонных гостей, прервал чтение, пустил кольцо дыма, плюнул на кончик сигарки и бросил в печь.

- Слушай, - без всякого вступления начал дядя Костя, - не свишня ли ты?

- За свой отказ ехать вытаскивать машину с грузом запчастей ответишь перед колхозом, - выговорил ему дядя Валентин.

- И с ним мы вполне мирно побеседовали, откровенно, по-мужски, и поняли друг друга, - сказал тот, кивнув на меня. - Я лебезить не привык. Душу перелатывать не собираюсь ни перед кем, даже перед дитем. Уж какой есть. А у тебя какая на меня обида? - обратился к Константину.

- Газеты почитываешь, а тупой, как пим сибирский, - дядя Костя подсел напротив к нему, на табурет. - Ты же не его одного обидел, не ему показал на дверь. Ты опозорил всю Татарку. Такого Сибирь-матушка, наверное, не видывала еще. Ты об этом подумал?

- Об чем это?

- Об имени сибиряка, мать твою.

- Да будет тебе корчить святошу. Тоже мне... - попробовал было возразить мужик, но дядя Костя взял другой оборот.

- Короче, извинись перед мальцом, нам ставь пузырь в знак примирения, и на том баста.

- А вот это никак не получится, не вижу причины.

- Увидишь, поздно будет.

- Ох, испугал. Так смурной, еще трезвого учить.

- Верно подмечаешь, выпимшишь мы. А вот извиняться перед мальцом придется.

- Я уже сказал, не выйдет по-вашему.

- Еще как выйдет. Зря меня взводишь. Сейчас ведь будешь ползать на корячках. Тебе известен мой норов.

- Неужели в самом деле? - насмеялся тот, накаляя обстановку. И дядя Костя вспылел:

- А ну, встань, поговорим как мужчины!

- Это кто же указ тут хозяину в доме? А ну-ка, гуляйте отсюда!

- Ежели так, даже лучше. Одевайся, вижу, боишься в собственном гнезде накласть в штаны, выйдем во двор, ну!

- Слушай, кто ты такой, не много ли на себя берешь? А!.. Как же у меня из головы-то вылетело?! Вы ведь нонче местный слуга народа! В своем доме я! И сам себе судья! И не твоего ума дело, кого гоню, кого привечу...

Но не дали ему досказать:

- Шабаш, это бабы разговоры! Не хочешь добром, миром, поможем всем миром. Валя, лови!

Только крикнул дядя Костя, да как саданет того в висок со всего маху мужицкого, что он кубарем слетел с табурета и шмякнулся возле наших ног. Я и глазом не успел моргнуть, а дядя Костя уже восседал на нем верхом и выворачивал ему руки за спину, аж тот взывал сквозь мат. Невесть где сидевшая до того, выскочила из-за печи какая-то старуха. Гневно-белая, она чуть не огрела дядю Костю ухватом, да Валентин перехватил у бабуся орудие, отнял, снова передал ей, и мирно, тихо, как больному человеку, сказал:

- Не надо, мать, не мешай!

Видя такой оборот дела, я подскочил и потянул дядю Костю от поверженного, умоляя:

- Не надо драться, дяденьки, не надо, а...

- Слышь, стерва, видишь, ты его камнем привел, он же милосердно тебя защищает. Не трогай его твое окаменевшее сердце, - выдавливал он из себя последнее терпение. - Еще раз прощу: попроси прощение у мальца, чтоб не обозлился, не подумал, что все мы такие. Парнишонка-то славный, видишь, не причем он...

- Отпусти... - простонал тот.

- Извинишься?

- Пусты, говорю.

Поднялись, поправились. Хо-

зяин отер руки, ощупал место удара и там же покрутил пальцем:

- Ну и дураки, едрена феня, - сказал, - разве можно силом мужика заставить повиниться? Ничего вы не вышибете из меня, хоть всем сельсоветом навалитесь. А теперь убирайтесь отсюда к чертовой матери? Вон!

- Вот балда! - теперь говорил дядя Валентин. - Тебя же не винят в упрямстве, а в том, что нагородил с три короба. Пацану. Не стыдно?

- Тебя-то что не устраивает?

- Ты бы мог где-то напелсти, но мы же тебя знаем, как облупленного. Да, пинали тебя. Они тебя, охоломла, учили, чтобы не пер со своим аршином в чужой огород, наглядно показали, какова сила единства. Известно нам, отчего тебя пинали, разбирались уж: пристал к бабе, пьяный обидел. Возможно, и договорились бы, будь ты человеком с тактом, подходом... Мальца ты оскорбил. И нас тоже.

- За мой проступок судить богу, не вам. Если еще будете насиловать, вон порог, а за ним и закон - самосуда не позволит, какой бы сволочью ни был...

Что еще они доказывали друг другу, не знаю, я незаметно покинул их. И пошел к Витьке, ровеснику своему...

Разбудило меня радио, заговорившее утром рано. Репродуктор сообщал о продолжении морозов в ближайшие дни. Известил об отмене занятий в первые два дня новой учебной четверти...

Открыв глаза, я не узнал потолка... И вспомнил свой вчерашний день...

Высвободился из объятий Вити. Прикрыл его. Тихо оделся. И как-то спронея не заметил, что забыл одеть душегрейку под пиджачок. Одумался, когда, надев пальто, ощутил пустоту, но переодеться не стал. Пусть остается Вите. Будет вспоминать меня. Не велик подарок - теплушка. Может, у него, как у всякого сибиряка, и своя имеется. Но благодарению более достойному я еще не обучен...

Мысленно попрощался. И как можно тише прикрыл за собой дверь. Давно поднятые по дворовым хлопотам гостеприимные хозяева не видели моего ухода. Да и лишне было все это мне в этот час.

По земле стелился густой белый туман, какой поднимается в крепкие морозы. Хорошо, ветра нет, а мороз нам привычен. Поднял ворот пальто, сунул руки в рукавицы в карманы, и затопал в глущь сибирской, тайги. Где живут такие же люди, как и везде. Где жил я. Где ждал мой друг Толка. Впереди были долгие километры.

...А в будущем мне еще не раз придется отмеривать пешком эти дороги. Но так и не будет случая взглянуть к моему новому товарищу. И никогда не узнаю, как же назовут они своего младшего брата.

Вскоре через эту тайгу пройдет нитка трубопровода. С преобразующими и землю, и людей, и жизнь последствиями. А в Татарке будет нефтеперекачивающая станция. Деревня превратится в поселок с другим названием.

Но, проезжая на свою глубину, неумоимо влекущую к себе малую Родину, всегда с шемящей сердце грустью буду вспоминать о тех добрых, малозаметных днях моего невозвратного детства, о тех добрых людях, с которыми свела меня та вечерняя стылая дорога.

А пока что я шел по холодной зимней таежной тропе, манимый теплом родного порога, и радовался рождению нового, более счастливого дня, пробуждающего в человеке веру в лучшее...

Но что это? Не ослышался ли, не показалось ли? За спиной, кажется, топот копыт... Точно, слышен скрип саней! И голос слышу знакомый... Дяди Кости голос:

- Тпру, сатана! Ты что, парень, околеть хочешь? А ну, садись! Вот тулуп, укройся! Будем передавать тебя от повозки к повозке. В этот час начинается дойка на фермах. Молоковозы тебя вмиг доставят!..

Тюменская обл.

Ахат МУХАМЕДОВ

Ахат Газизович МУХАМЕДОВ – родился 9 сентября 1938 г. в Ташкенте. В 1963 году окончил Казанский авиационный институт. Более тридцати лет служил на Северном флоте, капитан 1 ранга. В настоящее время живет и работает в Москве.

СНЫ

...Мне море снится часто,
Мне этот сон знаком.
Какое это счастье —
Быть вечным моряком.

Встречать лучи рассвета
С гуденьем корабля.
И знать: в тумане где-то —
Родимая земля...

Я не степняк, не горец,
Но получилось так,
Что я североморец —
Вот, мой навеки знак!

Навек моя походка
Вразвалочку чуть-чуть,
Плывет моя подлодка.
Прокладывает путь...

И сплю, и вспоминаю
Зовущий свет огней,
И будто проплываю,
По жизни вместе с ней.

СПАСИБО

С надеждой святой и терпеньем
Я жил, отвергая покой.
Судьба наградила везеньем...
За что же подарок такой?

А время летит убегая,
Но вот он, надежный причал!
Спасибо тебе, дорогая,
Что всё ж я не опоздал.

И солнце в душе залучилось.
И счастье пригрелось в груди...
Спасибо за то, что случилось.
За всё, что еще впереди.

ТАК ЛИКУЙ, МОЯ ДУША

«Мой ангел, здравствуй.
Я в Казани...»
А.С.Пушкин

Так ликуй, моя душа,
Вечно в высоту спеша!
Годы мои — мчатся...
Удержать года нельзя,
Мчатся, даже не спрося...
Пусть отговорятся!

Сердце просится в Казань —
К дорогим истокам.
Возложить святую дань
Тем краям далеким...

Как же долго я мечтал,
Упоенный целью,
Вспомнить, как изнемогал,
Там, в учебной келье...

Вот сбылась моя мечта —
Снова я в Казани.
И года мне — не беда.
Я готов к признанью.

Здравствуй, милый город мой,
Ангел мой сердечный,
Покорен я Габдуллой
И Мусой, конечно.

Здесь Бакыр-бабай Державин,
И корнями Карамзин,
Письма слал Наталье Пушкин,
Годы Лев Толстой прожил.

Мне лишь трижды двадцать пять —
Полон воли к жизни.
И с друзьями я опять
На земле Отчизны.

Так ликуй, моя душа,
Радуйся мгновеньям,
Снова молодость пришла
С чудом единенья.

Сентябрь, 2013

«Минутной резвости — нескромные стихи»
А.С.Пушкин

БУРАЕСК

Побыв наедине с брюнеткой,
Отдав порыв души моей,
Прельстился эдакой кокеткой
В беспечной старости своей.

Побыв наедине с шатенкой,
Забыв, что можно, что грешно,
Коснулся я ее коленкой —
Мне стало сладко и смешно.

Побыв наедине с блондинкой,
Приняв ее немой призыв,
Я растворился в ней, как льдинка,
В ней пыл желанный озарив.

А по России много русских.
Я с детства вырос среди них:
И мать и сестры были русы,
Лишь я был рыжик средь своих.

Однажды при свечах со светло-русой
Я вспомнил детство и сестер,
Вино игристое пенилось,
Душа пылала, как костер...

* * *

Я твой возможный арестант,
Сраженный рифмой твоей.
И это знает лишь Аллах,
Что ты давно в душе моей.

У нас, быть может, будет все...
И может, будут соловьи...
Нам петь про «то», ну и про «се»
Без разрушения семьи.

А если встретишь ты того,
Души твоей достойного.
Так в долгий путь на долгие года,
Тебя я не забуду никогда.

А стихотворный наш интим
Душевной нежностью храним...
Минутной резвости стиха.

* * *

Я люблю тебя очень и очень
И пускай мне по жизни уж осень.
Ты меня вдохновляешь на строки,
Нам с тобой нипочем «экивоки».

Даже в мыслях я стал все нежнее.
Обретаю покой в равновесии...
С каждым днем ты дороже, нужнее,
О тебе мои лучшие песни.

Я пока лишь учусь с увлечением,
Обращаясь к тебе с посвящением.
В той прекрасной и поздней любви,
Что оставили предки в крови.

Не страшны нам осенние сроки.
Пусть бурлят поостывшие соки.
Благодарен тебе за вниманье,
Все в тебе — идеал и мечтанье.

Пророк МУХАММАД
(салаллохи алайхи вассалам)

ХАФИЗЪ

Если Бог даст тебе что-нибудь, то знак Его благ и щедрости
должен выявиться в тебе (тоже).

Если твои соседи считают тебя благодетелем, то ты и есть
благодетель, а если считают злодеем, то ты и есть злодей.

Некая женщина попала в ад из-за (одного) кота. Она привя-
зала этого кота, оставила его без пищи и воды и не давала ему
самому возможность найти пищу и воду

Джабраил настолько наставлял меня о правах соседа, что мне
(в тот миг) казалось, что сосед имеет право на наследие.

Ехавший (на коне и т.п.) должен приветствовать идущего
(пешком), идущий — сидящего, а меньшинство — большинство.

Воздаяние за два недобрые деяния в этом мире дается Богом
— за жестокость и неблагодарность по отношению к родителям.

Аллах не смотрит на ваши лица и имущества, а смотрит он на
ваши сердца и ваши дела.

Избегайте всякой вещи, которая опьяняет вас.

Пожелай для других то, что желаешь для себя, чтобы быть
верующим, и будь добр к соседям, чтобы быть мусульманином.

Бойтесь Бога, и справедливо судите (дела) между своими
детьми, подобно тому, как вы хотите (от них) доброго отношения
к себе.

Бойтесь проклятия угнетенного, так как его проклинания, как
языки пламени, поднимаются до небес.

Аллах научил меня искусству слова — и хорошо научил.

Покуда можете, предупреждайте исполнение наказаний в
отношении мусульман — для предводителя лучше ошибаться в
награждениях, чем ошибаться в наказаниях.

Если Аллах хочет добра своему слуге, то очистит его перед
смертью. Спрашивали: «Каким образом очищает его?» (Пророк
(с)) сказал: «Вдохновляет его к совершению доброго дела и при
исполнении отнимает душу у него».

Когда Аллах хочет творить что-либо, никто не может препят-
ствовать Ему.

Наилучшая словесная милостыня — заступничество, через
которое освобождаешь пленника и предотвращаешь кровопро-
литие и приносишь пользу и добро для своего брата и пред-
упреждаешь зло от него.

Примирить двух (враждующих) — есть наилучшая милостыня.

У кого есть ум — спасется.

Когда не можете изменить что-либо, потерпите, пока Бог не
изменит.

Если кого-нибудь из вас охватывает гнев — пусть сядет,
если стоит, а если сидит (при этом), то пусть ляжет (дабы не
действовать).

Пользуется уважением больше всех тот, кто не вмешивается в
дела, не касающиеся его.

Помилуй тех, которые находятся на земле, чтобы помиловал
тебя Тот, который находится на небесах.

Лучшее дело после веры в Бога — есть дружба с людьми.

Если (вдруг) начнется День Суда и в этот день в руках у
одного из вас останется саженец, то он должен посадить его,
если успеет.

Бог наставлял вас к стараниям, так старайтесь!

Самые совершенные из верующих — те, которые обладают
большим добронравием, и самые добрые из вас — те, которые
больше всех добры в отношении жен своих.

Смотри, ты ничем не можешь превосходить краснокожего или
чернокожего, кроме как чистотой нравов.

Аллах подкрепляет Ислам и через мужей немусульман.

Как только муж смотрит на свою жену, и жена смотрит на сво-
его мужа, Бог с благословением созерцает их.

Бог не сотворил ни одной болезни без того, чтобы определить
лечение его...

Сердце людское подобно воробью — каждый день меняется
семь раз.

Бог красив и любит красоту. Бог щедр и любит щедрость.
Бог чист и любит чистоту.

РЕДАКЦИОННЫЙ
СОВЕТ

Акчурин Р. С.,
Председатель редсовета.
Президент Некоммерче-
ского партнерства «Вата-
ным» («Мое Отечество»),
академик РАН, Российской
академии медицинских на-
ук, почетный академик АН
Башкортостана, Казахста-
на и Татарстана, кардио-
хирург

Алишина Х. Ч.
доктор филологических
наук, профессор Тюмен-
ского государственного
университета

Асадуллин Р. М.
президент Башкортостан-
ской организации «Вата-
ным», ректор Башкирского
государственного педаго-
гического университета,
доктор педагогических
наук, профессор

Ахметшин Р. К.
заместитель Премьер-
министра Республики
Татарстан – полномочный
представитель РТ в Рос-
сийской Федерации

Володарская Э. Ф.
член правления «Ватаным»,
ректор Московского инсти-
тута иностранных языков,
главный редактор журнала
«Вопросы филологии», ака-
демик РАЕН

Давлетшин Г. М.
доктор исторических на-
ук, профессор Казанского
федерального универси-
тета

Нигматулин Р. И.
член правления «Ватаным»,
академик Российской ака-
демии наук, директор Ин-
ститута океанологии РАН

Рахим Теляшев,
журналист-краевед, писа-
тель-историк, заслужен-
ный работник культуры РТ,
г. Санкт-Петербург

Ренат Харис,
лауреат государственной
премии РФ (2006г.), народ-
ный поэт Татарстана,
член Совета по культуре и
искусству при Президенте
Российской Федерации

Главный редактор
Ринат Мухамадиев

Заместители главного
редактора
Лейсан Ситдикова
Ахат Мухамедов

Художник-дизайнер
компьютерной верстки
Асия Каримова

Компьютерный набор
Екатерина Жукова

Учредитель:
Некоммерческое партнерство содействия
развитию институтов гражданского общества
«Ватаным».
Газета зарегистрирована Министерством по
делам печати, телерадиовещания и средств
массовых коммуникаций РФ.

В России 4 ноября отмеча-
ется День народного единства
- общенациональный праздник,
ознаменовавший несколько
веков назад окончание Смут-
ного времени. Праздник был
учрежден в память о событиях
1612 года, когда в условиях ок-
купации и отсутствия в стране
центральной власти народное
ополчение под предводитель-
ством простолюдина Кузьмы
Минина и князя Дмитрия По-
жарского освободило Москву от
польских интервентов. Событие
стало символическим. Ополче-
ние включало в себя представи-
телей практически всех народов
страны: русских и татар, башкир
и чувашей, марийцев и удмур-
тов, многих других. Те далекие
события позволили России со-
хранить свою самобытность и
национальное единство, послу-
жили истоком восстановления
независимой российской госу-
дарственности.

Президент России Владимир
Путин в День народного единства
возложил цветы к памятнику Мини-
ну и Пожарскому, установленному
на Красной площади. Вместе с гла-
вой государства в церемонии при-
няли участие патриарх Московский
и всея Руси Кирилл, председатель
Совета муфтиев России Равиль
Гайнутдин, верховный муфтий,
председатель Центрального ду-
ховного управления мусульман РФ
Талгат Татжуддин, главный раввин
России Берл Лазар, представители
других конфессий.

Также на мероприятии присут-
ствовали активисты российских
молодежных движений и предста-
вители общественных националь-
но-культурных организаций. В том
числе глава совета Федеральной
национально-культурной автоно-
мии татар Ильдар Гильмутдинов,
атаман Кубанского войскового ка-
зачьего общества Николай Долуда,
председатель высшего совета Рос-
сийского конгресса народов Кав-
каза Асламбек Паскачев.

По словам президента, искрен-
няя любовь к Родине и готовность
встать на ее защиту всегда были
основой независимости и сувере-
нитета России. «Именно глубинное,
подлинное чувство патриотизма
объединило четыре с лишним века
назад людей разных националь-
ностей и сословий», — сказал гла-
ва государства. Владимир Путин
напомнил, что во главе ополчения
1612 года стоял этнический тата-
рин Кузьма Минин.

«А во главе ополчения стоял эт-
нический татарин, который собрал
деньги, все свое имущество отдал
для того, чтобы собрать ополчение
для спасения России», — рассказал
глава государства на встрече с уче-
ными и учителями истории неза-
долго до Дня народного единства.

По мнению президента, это

свидетельствует о внутреннем
единстве многонационального
русского народа перед лицом
раскола, раздела, раздробленно-
сти. Эту опасность осознавали все
россияне вне зависимости от эт-
нической или религиозной принад-
лежности, — подчеркнул Путин.

Что мы знаем о Кузьме Минине?
Земский староста Нижнего Новго-
рода крещенный татарин Кириша
Минибаев, он же Минин Кузьма
Минич — организатор ополчения
против польских интервентов в
начале XVII века, происходил из
многочисленной семьи балахнин-
ского солепромышленника Мины
Анкудинова. После XVIII века о
племенной принадлежности Кузь-
мы Минина упоминать перестали.

«Минин» — первоначально было от-
чеством и лишь впоследствии ста-
ло родовой фамилией Мининых.
Предположительно, его дед —
отец Мины перебрался в Балахну с
восточного, степного берега Вол-
ги, где жили его предки-татары.
Сам же Мина владел несколькими
деревнями на луговой стороне
Волги близ устья, впадающей в нее
реки Узола. Вероятнее всего, отец
Мины был еще исламского веро-
исповедания либо был крещен в
достаточно зрелом возрасте. Сам
Мина был уже православным хри-
стианином. По существовавшим
положениям того времени при
переходе из мусульманского веро-
исповедания в православие пере-
ходившему полагался ряд льгот по
налогообложению, пользованию
землей и т.д. Одним из наиболее
серьезных доводов о татарском
прошлом Мининых и перехода их
из мусульманского вероисповеда-
ния в православие служит герб их
рода, основу которого составляет
полумесяц, пронзенный шпагой.

По азам геральдики полумесяц на
поле герба во многих случаях сви-
детельствовал о мусульманских ге-
неалогических корнях владельца.

Таких примеров достаточно много.
А полумесяц, пронзенный шпагой,
обычно свидетельствовал о вынуж-
денном отходе от ислама.

Солевой промысел приносил
Мине большой доход. Предание
гласит, что Кириша Минибаев под
именем «Кузьма Минин» был кре-
щен в Никольской церкви — первой
каменной церкви в Балахне, кото-
рая сохранилась до наших дней.
У Кузьмы было два старших бра-
та — Федор и Иван, и два младших
— Сергей и Бессон. Переезжая в
Нижний Новгород, Мина Анкуди-
нов, вероятно, оставил старшим
сыновьям все хозяйство, принад-
лежавшее ему в Балахне.

Кроме доли в рассольных тру-
бах брата Федора, у Кузьмы была
своя мясная лавка на нижегород-
ском торгу и скотобойня. Имел
Кузьма и большой дом в городе,
хотя семья его была невелика —
жена Татьяна Семеновна и сын
Нефедий.

Удивительное сочетание богат-
ства и честности у Кузьмы Минина
вызывало уважение горожан, ко-
торые избрали его земским старо-
стой. Основной функцией земского
старосты был сбор налогов с на-
селения, что, естественно, давало
рычаг управления как в отношении
горожан, так и в известной степени
в отношении воеводы.

В годы смутного времени, когда
после каждого переворота пре-
жнего царя объявляли незаконным,
а иногда бывало и сразу несколько
«царей», легитимность большин-
ства воевод становилась сомни-
тельной, а власть их уменьшалась.
Соответственно существенно воз-
растала роль земского старосты...

...В один из осенних дней 1611
года рыночная площадь большого
торгового города Нижнего Новго-
рода была переполнена народом.
Собравшимся читали полученную
из Москвы грамоту. В ней говори-
лось о разорении и бедствиях Рус-

ской земли, о насилиях иноземных
захватчиков. Москва просила о по-
мощи, призывала к борьбе. Люди
стояли молча, в глубоком волне-
нии. На помост поднялся высокий,
широкоплечий человек с откры-
тым лицом. Это был недавно изб-
бранный нижегородцами земский
староста татарин Кузьма Минин.
Горожане уважали его за прямоту и
честность, практичный ум, твердую
волю и решительность. «Если мы
хотим помочь Москве, — говорил
Минин, — то не пожалеем ничего,
дворы свои продадим, жен и детей
заложим, чтобы спасти любимое
Отечество!»

Тут же начался сбор пожертво-
ваний на ополчение. Сам Минин от-
дал большую часть своего движи-
мого имущества, украшения жены,
припрятанное на «черный день»
золото и серебро. Иные люди так-
же несли деньги, драгоценности,
одежду, оружие. Затем по пред-
ложению Минина был установлен
обязательный сбор — «пятая день-
га от всех пожитков и промыслов».
Казначеем и распорядителем всех
средств стал он сам, «выборный
человек от всей земли». Военным
руководителем ополчения нижего-
родцы избрали князя Дмитрия По-
жарского.

Начался набор в ополчение
ратных людей. Во многие горо-
да страны из Нижнего Новгорода
отправились гонцы с грамотами,
призывавшими помочь «очище-
нию Московского государства».
Из разных мест спешили в Нижний
дружины и отдельные доброволь-
цы — представители духовенства,
служилые и посадские люди, кре-
стьяне, ремесленники, стрельцы
и казаки. Здесь их формировали
в отряды и обучали. Вместе с рус-
скими в ополчение шли представи-
тели всех народов Поволжья и Си-
бири. Патриотическое движение,
начатое в Среднем Поволжье тата-
рином Кузьмой Мининым, вскоре
охватило всю страну.

26 октября (4 ноября) 1612
года вражеский гарнизон сдал Мос-
ковский Кремль. Столица была
освобождена окончательно! Вско-
ре и вся Россия была очищена от
«воров» и польских интервентов.
После изгнания неприятеля, при
правительстве Михаила Романова
Кузьма Минин получил чин думного
дворянина, но вскоре, 21 мая 1616
г., умер. Дальний потомок древних
булгар и половцев — Дмитрий По-
жарский еще почти 30 лет честно
служил Русскому государству, уча-
ствовал в сражениях и походах, но
высоких постов не занимал.

Патриотический подвиг Мини-
на и Пожарского навеки остался
в памяти российского народа. С
2005 года 4 ноября отмечается как
День народного единства.

Подготовила
Римма Тахавиева

Дорогие читатели!

Нет дня, чтобы в редакции
не было звонка с вопросом, где
можно купить нашу газету и как
на нее подписаться. Подобные
вопросы регулярно поступают
и на почту редакции. Такая вос-
требованность газеты «Татар-
ский мир», конечно, радует нас.
Приятно, когда газета пользует-
ся спросом у читателей и им
интересно то, о чем мы пишем.
В новом году мы продолжим
уже полюбившиеся читателям
рубрики «Судьбы наших со-
временников», «Никто не за-

быт», «Сыны Отечества», «Наше
наследие», «Мир искусства»,
«Страницы истории», «Актуаль-
ное интервью», «Неизвестное
об известном» и другие. Боль-
шим успехом пользуется един-
ственная и постоянная рубрика
на татарском языке «Балам-ба-
галлам». Вас ждут новые инте-
ресные материалы и в рубрике
«Из жизни регионов». Она о том,
как живут наши соотечествен-
ники на просторах России и за
рубежом. Редакция планирует
также чаще публиковать очерки

и статьи о выдающихся
татарских военачаль-
никах и полководцах, о
мастерах театральной
сцены и спорта, публиковать
стихи и рассказы классиков и
современных писателей татар-
ской литературы. Появляются
новые материалы ученых о бо-
гатой истории нашего народа,
самые интересные результаты
этих исследований станут до-
стоянием наших читателей. За-
служенным успехом пользуется
у читателей рубрика «Тюркское
пространство», где мы рас-
сказываем о достижениях род-
ственных нам народов.

Словом, редакция газеты
«Татарский мир» и впредь будет
стремиться расширять и доно-
сить до каждого читателя глубо-
кий многогранный мир духовного
богатства татарского народа.

Мы рады сообщить нашим
читателям: во всех отделени-
ях почты России и стран СНГ
открыта подписка на газету
«Татарский мир» на первое по-
лугодие 2017 года. Для этого
достаточно в отделении по-
чтовой связи назвать наш
подписной индекс: **П3735**.
Оформить подписку можно
и в режиме on-line на сайте:
<https://podpiska.pochta.ru>

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-18851 от 10. 11. 2004.

При реализации проекта используются средства
государственной поддержки (грант) в соответствии с
Распоряжением Президента Российской Федерации
от 17.01.2014 г. №11-рп и на основании конкурса,
проведенного Региональной общественной организацией
«Институт проблем гражданского общества».

Адрес редакции:
115184, Москва, М. Татарский пер., д. 8.
Телефоны: (495) 951-16-94,
951-02-38 (по вопросам подписки
и распространения).

E-mail: tatar.mir@yandex.ru

Подписано в печать
11. 11. 2016.
Отпечатано в типографии
«ООО Медиа-форум».

Тираж 15 000 экз.